

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)
ТАГАНРОГСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. П. ЧЕХОВА (ФИЛИАЛ)
«РГЭУ (РИНХ)»

Факультет истории и филологии

Кафедра русского языка и литературы

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой
русского языка и литературы
к.ф.н., доцент А.Г. Нарушевич
« ___ » _____ 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
на тему
«ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭПИГРАФОВ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА В
ШКОЛЕ»

Автор
Александровна
студент группы РЯЛ-251
44.03.05 «Педагогическое образование»
44.03.05.17 «Русский язык» и «Литература»

Овсяникова Анастасия

Руководитель выпускной
квалификационной работы
к.ф.н., доцент
Васильевич

Ваганов Алексей

Таганрог, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	
3	
1. ЭПИГРАФ КАК КОМПОНЕНТ	
ТЕКСТА.....7	
1.1. Понятие об эпиграфе. Структура и семантика эпиграфа.....7	
1.2. Функции эпиграфа.....14	
2. ЭПИГРАФЫ В СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ	
СИСТЕМЕ ПУШКИНСКОГО	
ТЕКСТА.....19	
2.1. Эпиграфы в романе «Капитанская дочка».....19	
2.2. Эпиграфы в романе в стихах «Евгений Онегин».....31	
2.3. Роль и текстовые связи эпиграфа в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».....36	
3. ПУТИ АНАЛИЗА ЭПИГРАФОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ	
ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА В	
ШКОЛЕ.....40	
3.1. Анализ эпиграфов при изучении пушкинской прозы В школе.....	
40	
3.2. Анализ эпиграфов при изучении поэтических произведений А.С. Пушкина В школе.....45	

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	
.....50	
СПИСОК	ЛИТЕРАТУРЫ
ИСТОЧНИКОВ.....54	И
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	
....58	

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической литературе большое внимание уделяется различным структурно-смысловым составляющим текста, в частности такому важному компоненту, как эпиграф. В произведениях А.С. Пушкина эпиграфы играют важную роль. Подбирая эпиграфы к своим произведениям, писатель широко пользуется «отзвуком созданного до него художественного материала» [49, с. 52], причем эпиграф оказывается «смысловым ключом к восприятию разных героев» [49, с. 52]. Художественные функции пушкинских эпиграфов разнообразны: предуведомление, философское обобщение, эмоциональный настрой, создание художественного образа мира.

История научного изучения пушкинских эпиграфов берет начало в 1920 – 1930-х гг. Первым опытом системного анализа эпиграфов была статья С.Д. Кржижановского «Искусство эпиграфа», где рассматриваются эпиграфы к пушкинским романам и повестям и вводится понятие эпиграфологии как особого раздела литературоведения [20, с. 415]. В.В. Виноградов в работе «Стиль Пушкина» [8, с. 382 – 383, 465 – 471] исследует эпиграфы в связи с проблемой цитирования. В 1930-е гг. некоторые эпиграфы «Евгения Онегина» интерпретирует Н.А. Бродский в своей комментарии к роману [5]. В 1950-е гг. проблемам пушкинской эпиграфологии уделяют внимание Б.В. Томашевский [43] и В.Б. Шкловский [48, с. 66 – 76]. В 1960-е годы внимание некоторым пушкинским эпиграфам уделяется в работах Н.Л. Степанова [42], Б.П. Городецкого [10], в комментарии В.В. Набокова к роману

«Евгений Онегин» [31] и других исследованиях. В 1970-е – 80-е годы проблемой изучения эпиграфов А.С. Пушкина занимались Ю.М. Лотман [27], М.П. Алексеев [1], С.Г. Бочаров [4, с. 184 – 185] и другие; значительное внимание уделяется анализу эпиграфов в комментарии М.И. Гиллельсона и И.Б. Мушиной к «Капитанской дочке» [9]. В 1990-е годы новые интерпретации некоторых пушкинских эпиграфов были предложены в работах В.С. Непомнящего [32, с. 135 – 165], В.А. Сайтанова [41, с. 177 – 180] и других ученых. В настоящее время проблемами пушкинских эпиграфов занимаются И.В. Коцциенко [16; 17; 18], Г.Г. Красухин [19] и другие исследователи.

Таким образом, существует значительное число исследований, связанных с проблемой использования эпиграфов в творчестве А.С. Пушкина. Однако в силу большого смыслового и функционального богатства и разнообразия пушкинских эпиграфов эта проблема не может считаться исчерпанной.

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной разработкой проблем взаимодействия эпиграфа с текстом, содержащим эпиграф. Это взаимодействие является важным аспектом изучения эпиграфа, который функционирует как интертекстовый компонент, то есть представитель «чужого текста» в новом тексте.

Предметом исследования являются семантика, структура и функции эпиграфов в произведениях А.С. Пушкина.

Объектом исследования послужили прозаические и поэтические произведения А.С. Пушкина, преимущественно романы «Капитанская дочка» и «Евгений Онегин» и стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Эти произведения наиболее значимы с точки зрения анализа эпиграфов.

Цель работы – раскрыть роль эпиграфа в семантико-стилистической системе пушкинского текста, показать пути анализа эпиграфов при изучении произведений А.С. Пушкина в школе.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

1) рассмотреть понятие эпиграфа, структуру и семантику эпиграфов;

2) изучить проблемы эпиграфа как структурно-смыслового компонента текста;

3) выявить функции эпиграфа в художественных произведениях;

4) проанализировать роль и текстовые связи эпиграфа в избранных произведениях А.С. Пушкина;

5) показать пути анализа эпиграфа при изучении творчества А.С. Пушкина в школе.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что изучение эпиграфа как текстового компонента тесно связано с теорией интертекста, широко разрабатываемой в современной науке. Интертекстуальность как протекающее в разных формах взаимодействие между текстами исследуется в работах И.В. Арнольд [2], Н.С. Валгиной [6, с. 141 – 155], А.И. Горшкова [11], Н.А. Кузьминой [23], В.П. Москвина [30] и других филологов. Как отмечает Н.А. Кузьмина, «возросший интерес к проблематике интертекста отражает общий подход к литературе как духовной деятельности, открытой, самоорганизующейся системе, состоящей из индивидуальных и

неповторимых художественных произведений. И хотя изучение поэтической традиции, равно как и истории отдельных текстов, широко представлено в работах по поэтическому языку, нельзя не согласиться, что интертекстуальный подход придал этим проблемам глобальность и широту <...>. А глобальность и широта неотделимы от “философии языка”» [23, с. 17 – 18].

Практическая значимость исследования заключается в том, что анализ функционального назначения эпитафий в тексте способствует усовершенствованию интерпретации произведений, содержащих эпитафий. Это имеет важное значение для школьного преподавания языка и литературы. Изучение структурно-смысловых компонентов текста начинается уже в младших классах и продолжается в средней и старшей школе. Однако практика показывает, что не всем из них уделяется достаточное внимание. Учителя-словесники, авторы учебно-методических пособий не всегда полно освещают этот вопрос. Так, каждый раздел учебника по русскому языку под редакцией М.М. Разумовской и П.А. Леканта для 9 класса открывается эпитафиями – цитатами из высказываний лингвистов [40, с. 5, 36], однако в ходе изложения материала эпитафиям уделяется мало внимания. Недостаточное внимание к эпитафии в читательской практике может привести к неполному и даже неверному пониманию текста.

В работе были использованы следующие **методы исследования**: лингвистическое описание, структурно-семантический анализ, семантико-функциональный анализ.

Структура ВКР: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и источников (49 источников),

3-х приложений. Общий объём выпускной квалификационной работы – 57 листов.

Апробация работы. По результатам исследования сделан доклад на 62 научной студенческой конференции Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) в 2019 году.

ГЛАВА I

ЭПИГРАФ КАК КОМПОНЕНТ ТЕКСТА

1.1. Понятие об эпиграфе. Структура и семантика эпиграфа

Эпиграф – это короткий текст, помещаемый автором перед произведением или его частью. Как правило, он представляет собой цитату из какого-нибудь источника: произведения устного народного творчества, литературы, философского трактата и т.д. В качестве эпиграфа часто берут пословицы, поговорки, слова из общеизвестных литературных произведений, из Священного Писания и т.д. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой эпиграф определяется как «изречение или цитата, предпосланное произведению (или его части, главе) и сосредотачивающее мысль на его идее» [34, с. 878]. В афористической краткой форме эпиграф часто выражает суть коллизии, тему или настроение произведения, определяя во многом характер его восприятия. Этот короткий текст может служить своеобразной экспозицией, вводя в действие и давая предварительные разъяснения (таков, например, эпиграф к стихотворению Н.А. Некрасова «Железная дорога») [26, с. 511].

Эпиграф входит в «раму произведения» [33, с. 848], то есть в число компонентов, окружающих основной текст. При этом эпиграф представляет собой «текст в тексте, обладающий собственной семантикой и образной структурой» [33, с. 850].

Термин *эпиграф* восходит к греческому слову *epigraphē*, что означает «надпись». Эпиграфом в античной Греции называли надпись на памятнике, здании. Эпиграфы в

современном смысле появляются в XV веке. Впервые эпитафия отмечена в «Хрониках» французского историка Фруассара, написанных в 1404 г., а опубликованных в 1495 г. [23, с. 143].

В зависимости от литературных и общественных настроений эпитафия то входила в моду, то выходила из употребления, то вновь воскресала. Широкое распространение она получила в конце XVIII – начале XIX вв. Их знанием блистали как признаком начитанности и умения применить чужую мысль в новом значении. В Западной Европе эпитафии часто встречаются в творчестве Ж.-Ж. Руссо, Стендаля, В. Гюго, И.-В. Гете, Ф. Шиллера, А. Франса, в России – Н.М. Карамзина, К.Д. Батюшкова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, А.И. Герцена, в XX веке – у А.А. Блока, А.А. Ахматовой, В.Я. Брюсова, П.Г. Антокольского, А.А. Тарковского, В.Н. Соколова и др.

Эпитафия является выражением стилевой манеры и специфики творческого мышления автора. Так, например, А.А. Блок и А.А. Ахматова использовали его как яркое стилиобразующее средство. Такая же закономерность получила распространение и в поэзии второй половины XX века.

Представление об эпитафии как об интертекстуальном знаке отсылает нас к концепции диалогизма М.М. Бахтина. Согласно ей, всякое восприятие культурно-эстетических ценностей есть диалог между их создателями и другими участниками культурного процесса. Вся мировая культура в «большом времени» представляет собой непрерывный диалог, в который включаются все новые и новые голоса, каждый текст «связан с другими текстами <...> особыми диалогическими <...> отношениями» [3, с. 299].

Французская исследовательница литературы Ю. Кристева предложила заменить термин «диалогичность» Бахтина «интертекстуальностью» [21, с. 429]. Исследовательница утверждает, что всякий текст выступает как интертекст, в основе каждого произведения – не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма общих кодов и систем, т. е. безграничный и бесконечный текст.

С другой стороны, немецкий филолог Р. Лахманн предлагает так называемую узкую концепцию интертекстуальности, которая имеет место тогда, когда автор намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств. Опираясь на эту систему взглядов, лингвистика получает возможность детального и формального изучения межтекстового (интертекстуального) взаимодействия.

Имеются существенные различия между интертекстуальностью в научных и художественных текстах. В первых она выступает как универсальный принцип их построения, предполагает точное цитирование с указанием источника и т.п. В художественной литературе интертекстуальность – это один из способов порождения произведения. Точное цитирование с указанием источника встречается здесь довольно редко. Но можно отметить, как общие черты, с одной стороны, цитирование и заимствование, которые нужны для утверждения интенций ученого или писателя, с другой – полемичность научного текста и смысловые противопоставления, которые часто используются в тексте художественном.

С точки зрения теории интертекстуальности эпиграф является видом интертекста, а в стилистике декодирования все элементы интертекста рассматриваются как выдвижение, т. е. такая организация контекста, которая формально подчеркивает – выдвигает на первый план особенно важные элементы содержания.

Чем значительнее текст, из которого взят эпиграф, тем большим количеством ассоциаций и культурно-исторических и других контекстов он может обрести на протяжении веков и тем более разнообразны связи, которые возникнут в сознании читателей. М.М. Бахтин считал эти связи в длительном времени безграничными и рассматривал их как диалогический контекст.

Глубокое понимание и интерпретация эпиграфа возможны после прочтения текста в целом и значительной его части, а для верного восприятия текста необходимо неоднократное обращение к эпиграфу. «Выдвинутость» эпиграфа в тексте, наполненность его высокой информационной энергией обусловлена тем, что он несет в себе заряд прецедентного, т. е. цитируемого текста, а прецедентными обычно являются значительные произведения мировой литературы. Экспрессивность эпиграфа нередко усиливается за счет его образности или даже символичности.

Эпиграф также помогает раскрыть философские и эстетические взгляды автора, так как содержит глубокий смысл. Этот структурный элемент текста обладает особой значимостью. Этим объясняется обращение к эпиграфам в этапных произведениях А.С. Пушкина. С их помощью писатель подчеркивает культурные связи собственного текста с

явлениями настоящего и прошлого, помогает встроить его в широкий контекст мировой литературы. Поскольку эпиграф имеет отсылку к авторитетному источнику, он позволяет сформировать определенный взгляд на проблему, поставленную автором в произведении. Иногда писатели сами сочиняют эпиграфы к своим текстам и указывают вымышленный источник, тем самым мистифицируя читателя.

В.А. Кухаренко считает, что эпиграф создает читательскую установку на восприятие литературного текста [24, с. 99]. Важнейшая функция эпиграфа – формирование эстетической, идейной или психологической установки читателя. Намек на сюжет, соответствие определенному настроению – таковы отличительные свойства этого чужого текста небольшого объема.

Эпиграф представляет собой своеобразную «маску», за которой прячется автор, когда он, не желая выступать прямо, косвенно определяет свое отношение к событиям, изображенным им в произведении. Эпиграф может быть в большей или меньшей мере эмоционально окрашенным, в зависимости от того, выразил ли автор свое отношение просто в сконцентрированной формуле основных событий произведения в целом, отдельной главы, или же это отношение выражено им в восклицании, прямой оценке события.

Эпиграф может нести содержательную информацию, если задает тему последующего текста (например, эпиграф из французского поэта Мальфилатра к третьей главе романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Она была девушка, она была влюблена»); содержательно-концептуальную информацию, если выявляет идею произведения (например, цитата из

Библии «Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю», предпосланная поэме М.Ю. Лермонтова «Мцыри»); содержательно-подтекстовую информацию, если не только отражает замысел автора, но и содержит оценочный компонент (например, «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» из «Ревизора» Н.В. Гоголя).

В силу своей обособленности эпиграф обладает коммуникативной завершенностью, которая не всегда совпадает со структурной полнотой [23, с. 153]. В большинстве случаев он представляет собой предложение, реже – несколько предложений. Так, в стихотворении П.Г. Антокольского, посвященном памяти художника В.А. Серова, в цитате из Ахилла Татия, состоящей из 18 строк, описывается картина на сюжет похищения Европы.

Поэтические эпиграфы обычно представляют собой строку, двустишие или строфу. Например, стихотворению «Заклятие огнем и мраком» А.А. Блок предпослал строки М. Ю. Лермонтова:

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растроченный в пустыне...

Такие эпиграфы являются более независимыми от прототекста, т.е. «материнского произведения».

В основе дифференциации структурно незавершенных эпиграфов лежит степень их неполноты. В предикативных единицах это обозначается пунктуационно и/или графически (строчная буква в первом слове – «Жил на свете рыцарь

бедный» А.С. Пушкина в стихотворении А.А. Тарковского «Поэт»). Таковы примеры полупредикативных сочетаний: «О, погреб памяти. Хлебников» (эпиграф к стихотворению А.А. Ахматовой «Но сущий вздор, что я живу грустя»), «О, мой двойник, о, мой бледный собрат!.. Г. Гейне» (эпиграф к стихотворению О.Э. Мандельштама «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...»); непредикативных сочетаний: «И дряхлый пук дерев. Пушкин» (эпиграф к стихотворению А.А. Ахматовой «Ива»), «И царскосельские хранительные сени... Пушкин» (эпиграф к стихотворению А.А. Ахматовой «Городу Пушкина»).

Чем более выражена структурная неполнота эпиграфа, тем более он апеллирует к культурному багажу читателя, его способности восстановить строку, фразу прототекста.

Важнейшая особенность семантики эпиграфа – многоуровневость. Она определяется тем, что это рамочный знак наряду с заглавием, который связан не только с категорией проспекции, но и с ретроспекцией. Первый план семантики эпиграфа формируется общеязыковым линейным смыслом его компонентов, не связанным ни с прототекстом, ни с метатекстом, рождающимся в пределах самого эпиграфа [23, с. 154].

Второй смысловой уровень формируется на основе семантики прототекста. Особенно это показательно в структурно незавершенных эпиграфах, которые обращаются к образованности читателя, исчерпывающему знанию цитируемого произведения. Так, стихотворение Л.А. Озерова снабжено пушкинским эпиграфом «Четырехстопный ямб мне надоел»:

Четырехстопный ямб мне надоел.
Не оставляю мальчикам в забаву
Его отмытых нашей кровью стрел,
Я берегу его былую славу [23, с. 156].

Включение прототекста в процесс интерпретации позволяет увидеть в новом тексте лексические, ритмико-интонационные и другие цитаты. Эпиграф в этом случае выступает как условие, которое не дает цитатам полностью ассимилироваться с текстом. Наконец, синтезирующий смысл возникает в уже завершенном произведении и связан с категорией интроспекции, обязательным для поэзии «перечтением». Это создает глубину смысла, «вертикаль», дополняющую «горизонталь» восприятия.

Эпиграф является средством формирования и выявления диалогической модальности текста, ведь в любой цитате происходит процесс преобразования объективной информации в модальную. А модальность обнаруживается не столько в наличии специальных языковых показателей, сколько в отборе лингвистического и экстралингвистического материала, ставшего объектом рефлексии художника. Выбор эпиграфа говорит о системе ценностей писателя и является предтекстовой фазой формирования модальности.

Модальность обнаруживается через соотношение эпиграфа и текста. Это соотношение может быть прямо выражено (например, в стихотворении А.А. Тарковского с эпиграфом из И.В. Гете «Стань самим собой» на немецком языке, вынесенным в название уже на русском, читаем: «Но даже под его стопой / Ты должен стать самим собой»). Иногда такие эксплицитно-оценочные эпиграфы носят комедийный

характер. Например, в восьмой главе повести Н.В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» описывается ужас героев, которые видят страшную свиную рожу в окне хаты. Эпиграф же, взятый из «комической поэмы», говорит об ироническом отношении автора к этому случаю: «Пиджав хвост, мов собака, / Мов Каин, затрувивсь увесь, / Из носа потекла табака» (Котляревский «Энеида») [23, с. 156].

У А.А. Тарковского между эпиграфом и основной частью текста существуют отношения семантического согласования, у Н.В. Гоголя – отношения рассогласования. Нужно отметить, что разграничение этих семантических типов весьма условно, так как стихотворение отражает не столько результат, сколько процесс получения нового знания. Согласие с тезисом эпиграфа в начале произведения может лишь усилить противопоставленность мысли в выводе. Так, в стихотворении М.Н. Аввакумовой с эпиграфом из Ф.И. Тютчева «В Россию можно только верить» читаем:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья» –

Но сколько можно только верить?! [23, с. 157].

Стихотворение П.Г. Антокольского «Запад – Восток» открывается эпиграфом из Р. Киплинга «О, Запад есть Запад, Восток – Восток». Соглашаясь в начале с этим высказыванием известного английского поэта («Да, Запад есть Запад, Восток – Восток, / Прочна межевая веха»), в финале П.Г. Антокольский приходит к противоположной мысли:

Но наша Земля недаром кругла,

Летит она не напрасно.

<...> И если прямо на Запад идти,

Вернешься домой с Востока! [23, с. 157].

В представленных стихотворениях реализуется эффект «обманутого ожидания», когда точный повтор эпиграфа, настраивающий на согласие, в итоге оказывается только «именительным темы», вводящим объект полемики [23, с. 157]. Однако даже если сам эпиграф нейтрален, модальный план стихотворения формируется в зависимости от характера его соотношения с текстом.

По структуре эпиграф может быть одиночным, двойным или тройным. Так, двойной эпиграф («О rus!.. О Русь!») предпослан второй главе романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», тройной эпиграф (включающий в свой состав цитаты из произведений И.И. Дмитриева, Е.А. Баратынского и А.С. Грибоедова) – седьмой главе.

1.2. Функции эпиграфа

Эпиграф – коммуникативный знак, сущность которого обнаруживается только в процессе функционирования, осуществляемого при включении этого знака в метатекст.

Существуют четыре варианта соотношения текста и эпиграфа в процессе написания произведения:

- 1) эпиграф существует до текста;
- 2) эпиграф возникает одновременно с текстом;
- 3) эпиграф подбирается к уже написанному произведению;

4) эпиграф снимается при первой и последующих публикациях произведения.

Первую группу эпиграфов следует рассматривать как потенциальные знаки, поскольку их функциональная направленность не реализована и существует только в авторском замысле. Так, например, эпиграф к роману А.С. Пушкина «Арап Петра Великого» существовал самостоятельно до текста.

Иллюстрацией третьей группы эпиграфов может послужить эпиграф «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» (пословица), который был предпослан «Ревизору» Н.В. Гоголя через шесть лет после его написания.

Интересным представляется последний вариант соотношения текста и эпиграфа, когда последний снимается автором по какой-либо причине. Так, из 59 стихотворений А.А. Блока фразы или цитаты перед текстом сохранили лишь 24 произведения. К сожалению, мы не знаем истинных причин такой редакции черновиков, однако можем предположить, что автор считал некоторые эпиграфы слишком мощными импульсами для читателя, вызывающими много индивидуальных ассоциаций. Таким образом, эпиграфы задавали упрощающие понимание или ложные смыслы.

Можно сделать вывод, что эпиграф относится к рамочной части произведения наряду с заглавием и посвящением. Он формирует «горизонт читательских ожиданий», стимулирует наш интерес к литературным творениям. Будучи частью художественного текста, эпиграф включает произведение в широкий культурный контекст и в то же время играет большую

роль в понимании текстового целого. Главная его функция – выражение идеи и авторской позиции.

Эпиграф не может быть случайным. Тщательно подобранный, он помогает расшифровать смыслы, заложенные в художественном произведении. Эпиграф полифункционален. Однако его основная роль – диалогизирующая. При этом точка зрения, выраженная в цитате или фразе, может совпадать с авторской или находиться с ней в противоречии, осознаваться как высказывание другого лица.

Существуют эксплицитные и имплицитные взаимоотношения эпиграфа и метатекста. Например, стихотворение М.А. Дудина с эпиграфом из произведения О.Ф. Берггольц «Не может быть, чтоб жили мы напрасно...» («Я, повторяя, присягаю ей: // Не может быть, чтоб жили мы напрасно»). Если нет явных лингвистических показателей диалога, то говорят о текстовом нуле, т. е. об их значимом отсутствии, потому что выбор эпиграфа свидетельствует о его включении в систему авторского мышления и, как следствие, в систему текста.

Основные функции эпиграфа – информативная и формоопределяющая. Информация, которую вводит эпиграф, бывает двух видов: о тексте и об авторе, который делает выбор фразы или цитаты, предпосланной произведению. Информация об авторе связана с характером источника и определяется в ходе его взаимодействия с метатекстом. Так, частое использование А.А. Ахматовой цитат из пушкинского творчества говорит о литературных вкусах и пристрастиях поэтессы. Однако точное понимание авторского замысла возможно только после тщательного анализа текста.

Информация эпиграфа о тексте выявляется на содержательном или формальном уровнях. При этом выделяются три подвида содержательной информации:

- фактуальная;
- концептуальная;
- подтекстовая.

Первая выражается в том, что эпиграф задает тему, которую подхватывает и развивает текст. Таковы эпиграфы к большинству стихотворений (например, «Лазурный луч» А.А. Тарковского с цитатой из Г. Уэллса). Второй подвид, выявляющий концептуальную информацию (идею, концепцию произведения), более характерен для прозы, так как усиливает смысловую доминанту текста (например, слова Святослава «Жить победителями или умереть со славой», предшествующие роману А.Н. Толстого «Хмурое утро»). Выявление подтекстовой информации с помощью эпиграфа показывает отношение к нему автора (фраза, предпосланная повести А.С. Пушкина: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность»).

Чаще всего эпиграф совмещает в себе разные виды информации: о мире, о произведении и об его авторе. В случае с лирическим произведением – это одновременно содержательно-фактуальная и содержательно-подтекстовая информация. Такова цитата из французского поэта О. Барбье, предпосланная стихотворению М.Ю. Лермонтова «Не верь себе»: «Какое нам в конце концов дело до грубого лая всех этих кричащих шарлатанов, торговцев пафосом и изготовителей напыщенных слов, и всех паяцев, танцующих на фразе?», которая как задает тему произведения, так и выявляет оценочный подтекст, выражающий иронию поэта по

отношению к герою стихотворения. Для усиления эффекта Лермонтов заменил местоимение «мне» формой множественного числа «нам».

С другой стороны, эпиграф в лирическом произведении – это также носитель формальной информации. Он определяет стилистику и архитектонику стихотворения. Так, например, А.А. Тарковский вводит ключевой образ своего произведения «Как тот кавказский пленник в яме...» благодаря цитированию в эпиграфе строк А.С. Пушкина:

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Чем меньше произведение по объему, тем больше обнаруживаются формальные связи текста и эпиграфа. При этом информация о форме стиха вместе с тем является и информацией о его содержании, поскольку строение и лексико-стилистические особенности в лирическом произведении взаимосвязаны. Например, композиционное развертывание, строфическое членение, ритмометрический рисунок стихотворения В.Н. Соколова «Натали, Наталья, Ната...» прогностически представляет эпиграф из пушкинских «Бесов»: «Мчатся тучи...». Энергетика эпиграфа определяет здесь не только использование ритмики, но и высокую стилистическую тональность стиха: «чреват», «длань», «нетленный».

Выводы по первой главе.

Двойственная природа эпиграфа определяется тем, что он является, с одной стороны, самостоятельным текстом, а с другой – частью другого текста (прототекста). Для автора эпиграф чаще всего – метонимический символ-заместитель прототекста, который обязательно присутствует в интертексте.

В связи с этим эпиграф с позиции автора рассматривается как показатель отношений прототекста с метатекстом.

Предваряя основную часть текста и определенным образом направляя читательское восприятие, эпиграф играет важную роль в передаче трех видов заключенной в тексте информации – фактуальной, концептуальной и подтекстовой.

ГЛАВА II

ЭПИГРАФЫ В СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПУШКИНСКОГО ТЕКСТА

2.1. Эпиграфы в романе «Капитанская дочка»

Эпиграф относится к числу факультативных элементов композиции литературного произведения. Именно благодаря своей необязательности эпиграф в случае его применения всегда несет важную смысловую нагрузку. Учитывая, что эпиграф – вид авторского выражения, можно выделить два варианта его употребления в зависимости от того, присутствует ли в произведении непосредственное высказывание автора. В одном случае эпиграф будет составной частью структуры художественной речи, дающей ся от имени автора. В другом – единственным элементом, не считая заглавия, явно выражающего авторский взгляд. «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» соответственно представляют два указанных случая.

А.С. Пушкин часто использовал эпиграфы. Кроме рассматриваемых произведений, мы встречаемся с ними в «Повестях Белкина», «Пиковой даме», «Полтаве», «Каменном госте», «Арапе Петра Великого», «Дубровском», «Египетских ночах», «Бахчисарайском фонтане». Приведенный список произведений подчеркивает, что эпиграфы в пушкинских произведениях определенным образом «работают» в направлении формирования смысла. Каков механизм этой работы? В каких связях с текстом оказывается каждый

эпиграф? Чему он служит? Ответы на эти вопросы прояснят роль пушкинских эпиграфов. Без этого нельзя рассчитывать на серьезное понимание его романов и повестей. В «Капитанской дочке», как и в «Евгении Онегине» или в «Повестях Белкина», мы сталкиваемся с целой системой эпиграфов. Они предпосланы каждой главе и всему сочинению. Некоторые главы имеют несколько эпиграфов. Такая система в литературе не редкость. Подобное встречается, например, в романе Стендаля «Красное и черное», написанном приблизительно в одно время с пушкинскими романами.

Большинство эпиграфов в проанализированных нами произведениях А.С. Пушкина имеет имплицитно выраженные связи с текстом. Однако встречается и комплексная, и эксплицитная семантическая связь. Средствами выражения связи эпиграфа с текстом становятся повторы, синонимы, антонимы. Не используется авторское объяснение связи текста и эпиграфа.

Источниками эпиграфов в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» являются произведения русской литературы XVIII века и устное народное творчество: пословицы, поговорки, песни. Они образуют особую систему. В эпиграфах звучит «чужое слово» народа, писателей прошедшего столетия. Предпосланный роману эпиграф «Береги честь смолоду», выполняющий информирующую функцию, перекликается с напутствием отца главного героя. Его эксплицитная семантическая связь с текстом всего произведения находит выражение в лексических повторах и синонимии.

Главная мысль произведения, отраженная в эпиграфе, связана не только с центральным героем, но и другими персонажами: Пугачевым, семьей капитана Миронова, Швабриным. Проблемы чести, долга становятся, таким образом, идейно-нравственным центром произведения.

Эпиграф к первой главе «Сержант гвардии» взят из комедии «Хвастун» Якова Борисовича Княжнина (1740 – 1791) – поэта и драматурга, автора трагедий, сатирических комедий и комических опер:

- Был бы гвардии он завтра ж капитан.
- Того не надобно; пусть в армии послужит.
- Изрядно сказано! Пускай его потужит...

.....

Да кто его отец?

Княжнин [38, с. 431].

Эпиграф выражает авторскую иронию по отношению к центральному герою. Гринев, получив домашнее воспитание и поверхностное образование, должен был отправиться на службу. Он мечтал «о свободе, об удовольствиях петербургской жизни», но отец его распорядился иначе: «...пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон».

Для современников Пушкина эпиграф из комедии Княжнина говорил о многом. Строчки произведения переносили их в эпоху царствования Екатерины II. Княжнин в своей комедии воссоздал атмосферу екатерининского царствования, когда в гвардейские полки принимали детей богатых и именитых дворян. Служба в гвардии давала

возможность быстрее сделать карьеру. Естественно, что дворяне всячески пытались устроить своих сыновей в гвардию.

В комедии «Хвастун» сталкиваются две разные системы взглядов, люди, занимающие противоположные жизненные позиции. Так, в уста Верховлета автор вкладывает общераспространенное утверждение о том, что успешно складывающаяся карьера в гвардии – верх житейского благополучия, а служба в армии – величайшее несчастье. Другой герой комедии – Честон считает, что служба в армии – необходимая для его сына школа жизни и воинской доблести, а гвардия вредна для воспитания и становления молодого русского дворянина.

Реплики персонажей Княжнина как нельзя лучше характеризуют отношение Андрея Петровича Гринева к армейскому поприщу сына. Функции этого эпиграфа – предваряющая и характеризующая.

В качестве эпиграфа ко II главе «Вожатый» взята слегка измененная цитата из рекрутской песни «Породила меня матушка» [9, с. 81]. Эта песня содержалась в песеннике, составленном М.Д. Чулковым:

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез;
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня [38, с.

438].

В этой главе впервые появляется Пугачев. Эпиграф из старинной казачьей песни является удачным экспозиционным ходом, предваряющим появление одного из главных героев повествования. Таким образом, главная функция эпиграфа – характеризующая.

В рукописи второй главы этому эпиграфу предшествовал другой: «Где ж Вожатый? Едем!», взятый из стихотворения В.А. Жуковского «Желание» и не вошедший в окончательный вариант пушкинского текста [9, с. 81].

III главе «Крепость» предпосланы два эпиграфа. Первый – солдатская песня, написанная, вероятно, самим Пушкиным, так как в других печатных источниках она не встречается:

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня [38, с. 446].

Второй эпиграф («Старинные люди, мой батюшка») взят из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», где реплика Простаковой звучит так: «Старинные люди, мой отец! Не нынешний был век. Нас ничему не учили» (действие III, явление 5-е). Простакова так характеризует своих родителей, подчеркивая, что они грамоте не знали, но благополучно прожили и без этого. Эпиграфы раскрывают нехитрые характеры и простой быт семьи капитана Миронова, вместе с тем первый эпиграф подчеркивает готовность этих русских людей стоять до конца за царя и отечество.

Эпиграфом к IV главе «Поединок» взяты строчки из комедии Я.Б. Княжнина «Чудаки» (1790), действие IV, явление 12-е:

- Ин изволь, и стань же в позитуру.

Посмотришь, проколю как я твою фигуру!

Княжнин [38, с. 451].

Эта пьеса была хорошо известна современникам Пушкина. Автор в комическом ключе изображает пародийную дуэль на кортиках (короткий прямой кинжал с граненым клинком и обыкновенно такой же рукоятью, чаще костяной) двух слуг – Высоноса и Пролаза. Слово «позитура» означало «поза, определенное положение тела». Весь эпизод у Княжнина описан гротескно: один из лакеев защитил себе грудь под одеждой толстыми пачками бумаги, дуэлянты боятся приблизиться друг к другу и делают выпады впустую.

Функция эпиграфа прогностическая, поскольку перед нами проекция на дуэль «злодея» Швабрина и Гринева, который вступился за честь любимой и был предательски поражен рукой врага. Однако ранение дало новый импульс взаимоотношениям Марии Мироновой и Петра Гринева.

К V главе, которая называется «Любовь», даны два эпиграфа. Оба эпиграфа взяты из песенника. Вот они:

Ах ты, девка, девка красная!

Не ходи, девка, молода замуж;

Ты спроси, девка, отца, матери,

Отца, матери, роду-племени;

Накопи, девка, ума-разума,

Ума-разума, приданова.

Песня народная

Буде лучше меня найдешь, позабудешь
Если хуже меня найдешь, вспомнешь.

То же [38, с. 459]

Первый эпиграф является окончанием песни «Ах ты, Волга, Волга-матушка...» из сборника Н.И. Новикова «Собрание народных русских песен». Второй эпиграф взят Пушкиным из песни «Вещевало мое сердце, вещевало...», напечатанной в том же сборнике [9, с. 113].

Слова народной песни сопрягаются с ответом Маши Мироновой, которая отказалась выйти замуж за Петра без родительского благословения. Можно сделать вывод, что функция этих цитат – предваряющая, так как читатель представляет развитие взаимоотношений Маши Мироновой и Петра Гринева.

В качестве эпиграфа к VI главе «Пугачевщина» Пушкин избрал слова из народной песни:

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывати.

Песня [38, с. 466].

Это первые строчки песни о взятии Казани Иваном Грозным. Вот начало этой песни:

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, стары старики, будем сказывати.
Про грозного царя Ивана про Васильевича,
Как он наш Государь Царь под Казань город
ходил.

Под Казанку под реку подкопы подводил,
За Сулай за реку бочки с порохом катал,

А пушки и снаряды в чистом поле расставлял
[9, с. 114].

Эпиграф, выполняя диалогизирующую функцию, настраивает читателя на торжественный лад, подчеркивая, что речь идет об исторических событиях, которые останутся в народной памяти. Слова перекликаются с позицией рассказчика, который ведет свое повествование в назидание потомкам.

К главе VII «Приступ», где изображается взятие крепости повстанцами и казнь ими коменданта крепости капитана Миронова, Пушкин взял эпиграф из песни о казни стрелецкого атамана:

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости.
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная песня [38, с. 474].

После четвертой строки песни Пушкин пропустил две следующие строчки:

Со добра коня не слезаючи,
Из стремян ног не вынимаючи [9, 124].

Эти две строчки не приведены Пушкиным потому, что они говорили о кавалерийской службе, а капитан Миронов служил в пехоте. По содержанию стихотворение, процитированное Пушкиным в эпиграфе, противоречиво. В десятой строке (восьмой строке эпиграфа) сказано, что «головушка не выслужила себе рангу высокого» (ранг – чин, степень), но дальше в стихотворении идет речь о казни «Князя-Боярина»; приводится описание казни, причем ему отрубают голову при таких обстоятельствах:

Идет его грозный палач,
Во руках несет саблю острую.

Казнят князя, выводя его «на сруб высок». В.Б. Шкловский предполагает, что этот песенный текст «является сводом двух произведений: одно о казни рядового военного, может быть, сержантского звания, а другое – о казни Князя-Боярина» [49, с. 60]. Пушкин опирался главным образом на первые пятнадцать строк, но, может быть, его привлекла и драматичность второй части песни, где приговоренный к казни герой песни утешает свою плачущую сестру:

И ты, свет моя родна сестра,
Тебе плакать, не выплакать,
Молить Бога, не вымолить,
И царя просить, не выпросить [49, с. 60].

Выраженное в песне сочувствие не только к самому приговоренному, но и к его близким могло привлечь внимание Пушкина, поскольку в «Капитанской дочке» о казненном капитане Миронове плачет его жена, Василиса Егоровна.

Слова народной песни ассоциируются с судьбой казненного пугачевцами капитана Миронова, но

предсказывают судьбу и самого вождя крестьянской войны. Поэтому можно говорить о прогнозирующей роли эпиграфа к седьмой главе. Вместе с тем это и выражение авторского взгляда на жестокости, сопровождающие любой бунт.

К VIII главе романа «Незванный гость» дан эпиграф, который является пословицей:

Незванный гость хуже татарина.

Пословица [38, с. 480].

В рукописи зачеркнут первоначальный эпиграф к этой главе: «И пришли к нам злодеи в обедни – и у сборной избы выкатили три бочки вина и пили – а нам ничего не дали (показания старосты Ивана Парамонова в марте 1774 года)» [9, с. 131].

Отождествление пугачевцев с врагами русичей – татарами позволяет выразить отношение дворян к событиям 1773 – 75 гг. Таким образом, значение эпиграфа – характеризующее.

IX глава романа называется «Разлука»:

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой:
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.

Херасков [38, с. 487].

Эпиграф к этой главе взят из стихотворения М.М. Хераскова, которое начинается следующими строками:

Вид прелестный, милы взоры!
Вы скрываетесь от глаз;
Реки, и леса, и горы
Разлучат надолго нас [9, с. 137].

Стихотворение Хераскова, строки из которого Пушкин взял в качестве эпиграфа к этой главе, представляет собой стилизацию народной песни. Этот эпиграф является иллюстрацией взаимоотношений главных героев романа, подчеркивая тревогу за их дальнейшую судьбу.

Эпиграф к X главе «Осада города» тоже взят из Хераскова, из его эпической поэмы «Россияда» (песнь XI), повествующей о взятии Казани войсками Ивана Грозного:

Заняв луга и горы,
С вершины, как орел, бросал на град он взоры,
За станом повелел соорудить раскат
И, в нем перуны скрыв, в ночи привести под
град.

Херасков [38, с. 492].

Точный текст Хераскова таков:

Меж тем Российский царь, заняв луга и горы,
С вершины, как орел, бросал ко граду взоры,
За станом повелел соорудить раскат
И, в нем перуны скрыв, в ночи привести под
град [9, с. 141].

Современный Пушкину читатель, знавший сочинения Хераскова, конечно, помнил, что в первой строке эпиграфа автор «Капитанской дочки» пропустил слова «Меж тем Российский царь». Создавая ассоциацию между Пугачевым и царем Иваном Грозным, эпиграф напоминает о том, что сторонники Пугачева воспринимали его как законного царя. Слово «Перун», бывшее именем главного божества древних славян, бога грома и молнии, у Хераскова употреблено в значении «молния».

Торжественный, эпический лад поэмы позволяет настроить читателя на восприятие дальнейшего повествования о ходе крестьянской войны. Функция эпиграфа – информативная, отношение к тексту – согласование.

Эпиграф к XI главе «Мятежная слобода» звучит следующим образом:

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?» –
Спросил он ласково.

А. Сумароков [38, с. 498].

Среди «Притчей» поэта, драматурга и баснописца Александра Петровича Сумарокова (1717 – 1777) таких строк не обнаружено. Эпиграф сочинен самим Пушкиным, искусно имитировавшим стиль басен А.П. Сумарокова. Об этом свидетельствует сохранившийся черновик эпиграфа:

Мятежная слобода.
(В то время лев)
(Лев спросил без гнева)
(без страшного рева)
(За чем пожаловать изволил в мой вертеп?)
(В ту пору был сыт хоть он.
Сказал Лев ласков духом и свиреп).
В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?» –
Спросил (сказал) он ласково.

А. Сумароков [49, с. 58].

Слово «вертеп» употреблено здесь в первоначальном его смысле – «пещера», а не «разбойничье жильё». Образ льва из

сочиненной автором романа и приписанной А.П. Сумарокову басни соответствует характеру Пугачева, который может и казнить, и миловать, поэтому функция эпиграфа – характеризующая.

Эпиграф к XII главе «Сирота» взят из свадебной народной песни:

Как у нашей у яблоньки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то ее некому
Благословить-то ее некому.

Свадебная песня [38, с.

508].

Это переделка песни, записанной Пушкиным:

Много, много у сыра дуба,
Много ветвей и поветвей,
Только нету у дуба
Золотыя вершиночки;
Много, много у княгини души,
Много роду, много племени,
Только нету у княгини души;
Нету ее родной матушки:
Благословить есть кому,
Снарядить некому [9, с. 151].

Сюжет песни зеркально отражает судьбу главной героини романа, которая лишилась родителей и теперь должна сама бороться за свое счастье. Функция эпиграфа – предваряющая.

Песня, которая похожа на приведенную в эпиграфе, пелась тогда, когда невеста была сиротой и ее выдавали замуж посаженный отец и посаженная мать.

Эпиграф к XIII главе «Арест» таков:

Не гневайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отправить вас в тюрьму.
– Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозволите мне прежде.

Княжнин [38, с. 513].

Такое четверостишие, как отмечается в комментариях М.И. Гиллельсона и И.Б. Мушиной, в сочинениях Я.Б. Княжнина не обнаружено. Однако последние две строки напоминают реплику персонажа комедии Княжнина «Хвастун»: «Так должен был мое он кончить дело прежде, / Ты можешь потерпеть и быть дотоль в надежде» (действие IV, явление 6-е)» [9, с. 154]. Видимо, в эпиграфе Пушкин имитировал стиль Княжнина.

Этот эпиграф формирует сюжетную перспективу, так как предвосхищает дальнейшие события: арест Гринева и его обвинение в пособничестве восставшим. Таким образом, роль эпиграфа можно определить как прогнозирующую.

Последняя глава романа называется «Суд». Ей предпослан эпиграф:

Мирская молва –
Морская волна.

Пословица [38, с. 519].

В слегка измененном виде («Мирская молва, что морская волна») эта пословица, взятая Пушкиным в качестве эпиграфа, напечатана в «Полном собрании русских пословиц и поговорок,

расположенном по азбучному порядку»; книга имелась в личной библиотеке Пушкина [9, с. 158 – 159].

Слова пословицы выражают авторскую мысль о том, как ошибочно бывает общественное мнение и насколько важно доверять себе в оценке людей (имеет отношение и к Гриневу, и к Пугачеву). Функция – информативная.

Итак, рассмотрение источников пушкинских эпиграфов к главам романа «Капитанская дочка», можно сделать вывод о том, что все эпиграфы делятся на две группы: во-первых, эпиграфы, частично подлинно заимствованные из поэзии XVIII века, частично под них стилизованные, во-вторых, фольклорные эпиграфы. В подборе эпиграфов, которые являются смысловым ключом к пониманию каждой главы, отражено авторское отношение к изображаемым событиям. Как отмечает Ю.М. Лотман, «Пушкину важно было, чтобы имена Сумарокова, Княжнина, Хераскова значились над главами, определенным образом ориентируя читателей» [28, с. 131]. Эти поэты в своих произведениях прославляли высокое служение отчизне, верность долгу и дворянской чести.

Большая часть эпиграфов заимствована из народного творчества. Фольклорные эпиграфы отражают исторический, социальный, нравственный опыт народа, его быт, интересы, воззрения, идеалы, его мудрость, подчеркивают высокие нравственные устои народной жизни. Таким образом, внетекстовое пространство романа неоднородно. Это два мира: дворянский и народный.

В романе «Капитанская дочка» проявилась типичная черта пушкинской прозы – ее аналитический характер. В этом произведении А.С. Пушкин выступает и как историк, и как

художник-мыслитель, творчески осмысливающий и художественно воссоздающий историю своего народа, страны. Поэта интересует эпоха XVIII века. В этом веке выковывалось русское дворянство, а с ним и все русское общество. А.С. Пушкин обращается к новому для себя жанру исторического романа, в котором частная судьба показывается через историю, а история – через частную судьбу. В анализе происходящего участвует сам автор. Его позиция проявляется в подборе эпиграфов к каждой главе.

В основе сюжета романа «Капитанская дочка» – судьбы обычных, «маленьких» людей, переплетенные с историей народа, страны. Автору интересен мир простого человека, его отношение к ценностям жизни, важнейшими из которых являются честь и достоинство.

2.2. Эпиграфы в романе в стихах «Евгений Онегин»

Роман в стихах «Евгений Онегин» содержит девять эпиграфов – к вступлению и к каждой из восьми глав. Используются эпиграфы на разных языках, причем не только содержание эпиграфа, но даже и язык, на котором он написан, играет важную роль, поскольку эпиграфы соотносятся с различными культурно-национальными традициями.

Первый эпиграф дан на французском языке и в переводе звучит следующим образом: «Проникнутый тщеславием, он обладал, сверх того, еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, – следствие чувства

превосходства, быть может, мнимого. *Из частного письма (франц.)*» [38, с. 7].

Эти строки содержат предварительную характеристику Евгения Онегина «как “проникнутого тщеславием”, возвышающегося над уровнем посредственности и равнодушного к морали» [28, с. 138].

Эпиграфом к первой главе служат слова:

И жить торопится, и чувствовать спешит.

Князь Вяземский [38, с. 8].

Эпиграф обладает прогностической функцией и позволяет узнать авторскую оценку личностных качеств Онегина, помогает нам расширить знания о герое.

В стихотворении П.А. Вяземского «Первый снег» приведенная строка характеризует жажду впечатлений, свойственную молодости. У Пушкина этот эпиграф предпослан главе, содержащей портрет типичного молодого дворянина XIX века, ведущего светскую жизнь. Пушкин рассказывает, какой образ жизни, зачастую беспорядочный, зачастую излишне активный, вел Онегин, живя в Петербурге. В течение одного дня он успевал попасть на бал или праздник, попить с друзьями, очаровать какую-нибудь барышню, заехать попутно в театр. Результатом разнообразных, но неглубоких впечатлений стало раннее пресыщение.

Очень короткий и необычный эпиграф предпослан **второй главе**:

O rus!

Hor.

O Русь! [38, с. 30].

Здесь Пушкин использовал игру слов. Слова римского поэта Горация «O rus!» переводятся с латыни, как: «О, деревня!» Эта фраза ассоциативно связана с уровнем образованности Ленского, которого Пушкин вводит в этой главе. В ней Пушкин описывает деревню, «где скучал Евгений», знакомит с главными героями, а рассказывая о них, показывает быт провинциальной России.

Два эпитафия находятся в отношениях оппозиции, что создает каламбурный эффект. С одной стороны, действие романа перемещается в деревню, где располагаются имения Онегина, Ленского и Лариных. С другой стороны, с помощью эпитафия автор выражает свое мнение, что Русь преимущественно – деревня.

Эпитафия к третьей главе, посвященной Татьяне, дан на французском языке и переводится таким образом: «Она была девушка, она была влюблена. *Мальфилатр (франц.)*» [38, с. 46].

Шарль Луи Кленшан Мальфилатр – французский поэт второго ряда, который не был оценен современниками. Но после его смерти была опубликована принадлежащая ему поэма «Нарцисс». Это произведение считалось в XVIII веке классическим и вошло в учебные курсы.

Пушкин привел стих из отрывка о нимфе Эхо. Согласно греческой мифологии, нимфа Эхо, зачахнувшая от любви к Нарциссу, превратилась в лесной голос.

Эпитафия предвосхищает события, которые развернутся в третьей главе: встречу героев и внезапно вспыхнувшие чувства Татьяны к Онегину. Эпитафия отмечает особенности юного возраста, когда чувство является прежде своего объекта. В

строфе VII этой главы об этом душевном состоянии говорится так:

Душа ждала ... кого-нибудь
И дождалась.

Как отмечает В.В. Набоков, в рукописи третьей главы содержался также эпиграф из Данте («Ад», песнь V): «Скажи, в минуту нежных вздохов / Как умудряется любовь / Сумбур страстей необъяснимых / В конкретное желание превратить?» [31, с. 282]. Однако в окончательный текст этот эпиграф не вошел: видимо, простые и трогательные слова Мальфилатра были сочтены Пушкиным более подходящими для характеристики переживаний юной девушки.

Эпиграф четвертой главы – высказывание французского государственного деятеля Ж. Неккера. В переводе с французского звучит так: «Нравственность в природе вещей» [38, с. 65].

Глава посвящена объяснению Онегина и Татьяны в саду. Эпиграф приобретает иронический смысл: упомянутая в эпиграфе нравственность ассоциируется с нравоучением, которое читает в саду сельской барышне герой. Онегин поступает с Татьяной благородно: он учит ее «властвовать собой». Чувства нужно уметь сдерживать. Однако известно, что сам Онегин научился этому, упражняясь в «науке страсти нежной». Очевидно, нравственность проистекает не из разумности, а из пресыщения: «рано чувства в нем остыли» – Онегин стал нравственным поневоле, по причине преждевременной духовной старости. Таково возможное значение эпиграфа.

Пятая глава посвящена русской зиме, началу святок, и вещему сну Татьяны. Здесь, естественно, используется русский эпиграф – строки из баллады В.А. Жуковского «Светлана»:

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана! [38, с. 83].

Эпиграф предвосхищает пророческий сон Татьяны. Ю.М. Лотман объясняет это желанием сравнить двух героинь и показать различия двух произведений: «одного, ориентированного на романтическую фантастику, игру, другого – на бытовую и психическую реальность» [27, с. 311], жизненную драму.

Шестая глава повествует о дуэли и гибели Ленского. «Дуэль – поединок, происходящий по определенным правилам, парный бой, имеющий целью восстановление чести, снятие с обиженного позорного пятна, нанесенного оскорблением» [27, с. 107]. В качестве емкой формулы всей дуэльной главы романа выступает эпиграф из великого итальянского поэта Петрарки: «Там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому умирать не больно» [38, с. 99].

У Петрарки это высказывание было более развернутым: «Там, где дни туманны и кратки – прирождённый враг мира – родится народ, которому не больно умирать» [27, с. 346]. А.С. Пушкин не полностью взял цитату у Петрарки, а выпустил стих, говорящий, что причина отсутствия страха смерти – во врождённой воинственности племени. У Петрарки речь шла о воинственности северных народов. С пропущенным средним стихом цитата может быть истолкована иначе. Отсутствие страха смерти заключается в разочарованности и преждевременной душевной старости. Это толкование больше

подходит к Онегину, поскольку Ленский любил жизнь и хотел жить. На поединок он пришел, чтобы отомстить за себя и за свою любимую. Онегин так же рисковал на этой дуэли, как и Ленский, но опустошенному Онегину, может быть, тоже было бы «не больно умирать».

С другой стороны, разочарование, дряхлость души, «блеклый жизни цвет» характерны для жанра элегии, в котором творил Ленский. Таким образом, данный эпиграф многозначен. Эпиграф к шестой главе подготавливает читателя к смерти Ленского.

В седьмой главе отъезду Лариных в Москву посвящены всего несколько строк, но зато в эпиграф Пушкин поставил три цитаты, вероятно, желая этим подчеркнуть значимость московского пространства своего романа. Конечно, цитаты о Москве могли быть только на русском, родном для Москвы, языке.

Тройной эпиграф создает ощущение неоднозначности восприятия читателями Москвы. С одной стороны, это столица России, родной и любимый для многих город, с другой – олицетворение патриархального барства. Напрасно Татьяна «вслушаться желает в беседы, в общий разговор». «Шум, грохот, беготня, поклоны, галоп, мазурка, вальс...» – это жизнь московского общества. Здесь всё по старинке: вершат дела, делают карьеру, выдают замуж. Несмотря на то, что А.С. Пушкин – патриот и Москва – его малая родина, он просто не мог не указать на её пороки, что сделал с помощью эпиграфов:

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?

Дмитриев

Как не любить родной Москвы?

Баратынский

Гоненье на Москву! что значит видеть свет!

Где ж лучше?

Где нас нет.

Грибоедов [38, с. 117].

Они создают ощущение неоднозначности и множественности восприятия читателям пространственного образа. Автор хотел показать этими эпиграфами субъективное и общее мнение о Москве.

Эпиграф к восьмой главе: «Fare thee well, and if for ever / Still for ever fare thee well» (Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай) – был взят из стихотворения великого английского поэта Байрона [38, с. 138].

Этот эпиграф появился на стадии белой рукописи, когда А.С. Пушкин решил сделать восьмую главу последней. Тема эпиграфа – прощанье. И главные герои в этой главе расстаются навсегда. Автор прощается с читателем, посвящая этому всю сорок девятую строфу.

Здесь тоже наблюдается многозначность. Есть выражение «уйти по-английски». Так, не прощаясь, ушла из комнаты Татьяна. Примерно так же оставил Пушкин своего героя, предложив читателям домысливать, что же было потом.

Таким образом, эпиграфы к роману «Евгений Онегин» отличаются от других эпиграфов в произведениях А.С. Пушкина большей приближенностью к личности автора. Их источники – произведения современников А.С. Пушкина, нередко его личных знакомых (И.И. Дмитриев, В.А. Жуковский, Е.А. Баратынский, П.А. Вяземский, А.С. Грибоедов), а также

творения старых и новых европейских авторов, входивших в круг его чтения.

2.3. Роль и текстовые связи эпитафия в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Эпитафия стихотворения А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» взят из знаменитой оды древнеримского поэта Горация «К Мельпомене». Латинская фраза «Eхegi monumentum» в переводе означает «Я воздвиг памятник» и почти дословно повторяет первую строчку пушкинского произведения, включая программное стихотворение в метатекст мировой литературы.

В пушкинскую эпоху это латинское словосочетание было хорошо известно, поэтому автор не указывает источник цитирования. По мысли Горация, человеческая плоть не может воскреснуть и, следовательно, противостоять смерти. Дух же, воплощающийся прежде всего в поэтических творениях, остается вечно живым. Таким образом, рождается противопоставление тела и духа. Первое постигает неизбежная смерть, второй ждет вечная жизнь.

В своем произведении Гораций славит поэзию, которая подарила ему творческое бессмертие и любовь богов. В оде звучит дифирамб Мельпомене, которая помогла поэту совершить подвиги во имя искусства:

Первым я приобщил песню Эолии
К италийским стихам. Славой заслуженной,
Мельпомена, гордись и, благосклонная,

Ныне лаврами Дельф мне увенчай главу [25, с. 314].

Жанр лирического послания и традиционное обращение к Музе сближает строки древнеримского и российского поэтов:

Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию
Жрец верховный ведет деву безмолвную [25, с. 314].

Переведенная М.В. Ломоносовым, ода Горация стала основой «Памятника» Г.Р. Державина. Пушкину известны были также переводы В.В. Капниста (1805 г.), А.Х. Востокова (1806 г.), С.А. Тучкова (1816 г.). Множественность переключек создает полифоническое звучание пушкинского произведения. Насыщенность поэтическими ассоциациями делает стихотворение элитарным.

Метафора, основанная на ассоциации литературного наследия с памятником, послужила идейным центром и пушкинского произведения. Однако поэт XIX века существенно переосмыслил форму творческого бессмертия гения, обосновывая свои права на историческую память гуманистическим содержанием своей поэзии:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век прославил я Свободу
И милость к падшим призывал [36, с. 382].

Отсутствие заголовка перемещает значимость первого компонента текста с названия на эпиграф, усиливая его роль. Составляющие его элементы выступают как ключевые слова

произведения. Один словесный ряд открывается латинской глагольной формой первого лица единственного числа прошедшего времени «Ехеги». Эта форма переводится на русский язык конструкцией «Я воздвиг» и, таким образом, обозначает не только действие, но и субъект действия. Затем этот ряд представлен повторяющимся местоимением «я» и другими средствами обозначения лирического героя.

Второй словесный ряд, организующий текст, представлен в эпиграфе латинским monumentum, а в начале текста, в сильной позиции, дан в русском переводе – «памятник». В тексте этот ряд продолжен лексемами «душа», «лира».

Важный с точки зрения семантики ряд составляют слова, которые обозначают действия и состояния лирического субъекта: «воздвиг», «пробуждал», «восславил», «призывал». Содержателен и выразителен словесный ряд, характеризующий памятник – он «нерукотворный», «к нему не зарастет народная тропа», «вознесся выше он главою непокорной александрийского столпа». Обращение Пушкина к уже ставшему архаичным жанру оды служило прославлению поэзии как духовной ценности.

Таким образом, сделав цитату из Горация – «чужой текст» – частью своего произведения, Пушкин вступил в своеобразный диалог с поэтом другого времени, другой культуры и языка. Тем самым русский автор вышел за временные рамки своего текста, вывел свое творчество на уровень мировой культуры.

За «Памятником» стоит мощная традиция утверждения личностного отношения к миру. В ее истоке – свободная личность древнего Рима, которую представлял Гораций. Через эпохи Возрождения и Реформации традиция ведет к

европейской культуре Нового времени. В XVII – XVIII вв. к этому процессу присоединяется Россия. Не отступая от канона, Пушкин сохраняет общую схему: Гораций – Ломоносов – Державин. Прямая ссылка на Горация в эпиграфе и многочисленные переключки с Державиным были знаком выбора определенной стилистической тональности в самостоятельной трактовке темы.

Именно Пушкин как автор «Памятника» закладывает традицию противопоставлять истинную славу неистинной. Пошлая слава – лесть толпы, подлинная – среди тех, кто любит и понимает искусство. В поэзии XX века она найдет свое продолжение в «Памятниках» В.Я. Брюсова, В.Ф. Ходасевича, В.С. Высоцкого. Поскольку тема стихотворения задана эпиграфом, очевидна его текстообразующая функция.

Выводы по второй главе.

Воспроизведение с энциклопедической полнотой проблем и характеров, актуальных для российской действительности 20-х – 30-х годов XIX века, достигается Пушкиным не только подробнейшим изображением жизненных ситуаций, склонностей, симпатий, моральных ориентиров, духовного мира современников, но и особыми эстетическими средствами и композиционными решениями, к наиболее значимым из которых относятся эпиграфы. Цитаты из знакомых читателю и авторитетных художественных источников, выполняя роль предварительных разъяснений, своеобразной экспозиции пушкинского повествования, открывают для автора возможность создать многоплановый образ, рассчитанный на органичное восприятие контекстных значений. Поэт поручает цитате из другого текста роль коммуникативного посредника.

ГЛАВА III

ПУТИ АНАЛИЗА ЭПИГРАФОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА В ШКОЛЕ

3.1. Анализ эпиграфов при изучении пушкинской прозы в школе

Концентрический принцип преподавания литературы предполагает ежегодное обращение к пушкинскому творчеству в средней школе. На разных этапах изучения творчества Пушкина учащиеся встречаются с эпиграфами.

Так, шестиклассники наряду с изучением поэтических произведений «Узник» и «Зимняя дорога» приступают к чтению одной из «Повестей Белкина» – «Барышня-крестьянка».

Повесть содержит эпиграф из поэмы И.Ф. Богдановича «Душенька»: «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша» [39, с. 99]. Этот эпиграф соотносится с тем эпизодом повести, в котором Лиза Муромская, дочь помещика, переделалась простой крестьянкой.

Всему же циклу «Повести Белкина» предпослан эпиграф из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль»:

«– То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.
– Митрофан по мне» [39, с. 54].

Этот эпиграф подчеркивает связь «Повестей Белкина» с традициями устных рассказов о том или ином занимательном

случае (именно о таких «историях» говорят персонажи Фонвизина в тех репликах, которые вынесены Пушкиным в эпиграф). Учащиеся еще незнакомы с комедией Д.И. Фонвизина, не знают поэмы И.Ф. Богдановича, однако учительский комментарий поможет ученикам понять значение предпосланных произведению фраз.

В седьмом классе изучаются как поэтические («Зимний вечер», «Полтава», «Медный всадник», «Борис Годунов»), так и прозаические произведения А. С. Пушкина («Станционный смотритель»). Эпиграфом к повести «Станционный смотритель» является цитата из стихотворения князя П.А. Вяземского: «Коллежский регистратор, / Почтовой станции диктатор» [39, с. 88]. В основном же тексте подчеркивается, что на самом деле станционный смотритель совершенно не похож на «диктатора», наоборот, это совершенно бесправный человек, выполняющий тяжелые служебные обязанности. Сопоставление эпиграфа с основным текстом помогает охарактеризовать главного героя.

Система уроков по роману «Капитанская дочка» в восьмом классе предполагает неоднократное обращение к выявлению функциональной значимости эпиграфов как ко всему произведению, так и к отдельным его главам. Источниками их являются цитаты из произведений XVIII века и строки из народных песен и пословиц. В них находит отражение эпоха и индивидуально-авторский стиль создателя.

Фрагмент урока № 1 «Историческая основа романа А.С. Пушкина „Капитанская дочка“. Образ рассказчика».

Литературный практикум по содержанию первых глав романа предполагает:

- 1) чтение и толкование эпиграфа ко всему произведению;
- 2) комментированное чтение первой главы;
- 3) толкование эпиграфа к первой главе.

Диалог героев одной из драм русского писателя и драматурга XVIII в. Я.Б. Княжнина предсказывает содержание главы: вместо того, чтобы стать сержантом гвардии, главный герой попадает в армию, также читатель узнает о его родителях [45, с. 65]. Наказ отца служить честно, помнить пословицу «Береги платье снову, а честь смолоду» становится нравственным кодексом, по которому живет главный герой.

Фрагмент урока № 2 «Формирование характера Петра Гринева».

В ходе аналитико-комментированного чтения второй главы обращаемся к эпиграфу. «Цитата из старинной лирической, скорее всего разбойничьей песни, во-первых, говорит о настроении Гринева, о том, что не по собственной воле он оказался в чужой стороне, во-вторых, она подготавливает появление “разбойника” Пугачева» [45, с. 66]. Анализ эпизодов бурана, сна соотносится с содержанием всего романа.

Фрагмент уроков № 3 - 4 «Изображение крестьянской войны и ее вождя».

Основной формой работы на этих уроках является поисково-аналитическая беседа по главам третьей – восьмой. Ее результатом может стать составление кластера по эпиграфам.

Комментарий названия и эпиграфа.

- Почему к третьей и пятой главам романа «Капитанская дочка» автор дает по два эпиграфа?

- Как соотносится эпиграф к шестой главе с ее содержанием?

- Какое настроение создает эпиграф к седьмой главе? К кому из героев романа относятся слова лирической песни?

- С каким из героев связаны название восьмой главы «Незванный гость» и слова эпиграфа «Незванный гость хуже татарина»?

Фрагмент урока № 5 «Проблема чести и достоинства в романе “Капитанская дочка”».

Обобщающая беседа по образу Петра Гринёва открывается вопросом, обращенным к учащимся:

- Прочитав роман, объясните, что имел в виду Пушкин, помещая перед всем произведением эпиграф «Береги честь смолоду»? Что автор хотел тем самым сказать читателю?

- О чем говорит то, что это предложение побудительное? *(Это совет, просьба, требование).*

- К кому обращено это требование? *(Не только к главному герою, но и к любому человеку, в том числе – к читателю).*

Толкование понятия «Честь» (работа со словарем).

1. Достойные уважения и гордости моральные качества и принципы личности.

2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя.

3. Целомудрие, непорочность.

4. Почет, уважение.

- Какие из значений имел в виду Пушкин, используя пословицу в качестве эпиграфа? *(Все, но больше всего – первое).*

- Выполнил ли Петр Гринёв наказ отца? Когда и где отступил он от дворянского понимания чести? Какие поступки

героя непонятны его отцу? (*Прибегнул к помощи Пугачева для спасения Маши Мироновой*).

- В чем и когда сохранил Гринев свою честь? А честь Маши?

Синквейн.

1. Честь.
2. Нравственный, достойный.
3. Защищают, берегут, дорожат.
4. «Береги честь смолоду».
5. Порядочность.

Фрагмент урока № 6 «Маша Миронова как нравственный идеал А.С. Пушкина».

Одной из целей урока должно стать формирование умения определять основную мысль произведения и видеть ее в названии, эпиграфе.

Слово учителя. Если эпиграф романа обращен прежде всего к главному герою, то его заглавие соотносится с образом Марии Ивановны Мироновой. Она действительно настоящая дочь своего отца: нигде не уронила свою честь – ни во взаимоотношениях с Гриневым, ни во взаимоотношениях со Швабриным и Пугачевым.

Учащиеся подбирают определения характера героини: *скромная, робкая, застенчивая, верная, преданная, любящая, милая, внимательная, заботливая.*

Следует обратить внимание на то, что в главе пятой слова Маши, отказывающейся выйти замуж без родительского благословения, почти дословно совпадают с эпиграфом.

- Почему произведение названо в честь Маши Мироновой?

Бескорыстная любовь героини крепнет в жизненных испытаниях. Дочь капитана Миронова понимает, что Гринев не произнесет ее имя на суде. Она принимает решение ехать в Петербург и спасти жениха.

Учитель формулирует проблемный вопрос: почему в главах, где появляется Маша Миронова, эпиграфы взяты из народных песен, пословиц?

Автор подчеркивает высокие духовные качества капитанской дочки, ее близость к народу. Судьба Маши – отражение жизни многих простых девушек. Она человек сильный, терпеливый, верующий.

В ходе поисково-аналитической беседы об образе Маши Мироновой ученики отвечают на вопросы:

– Почему в качестве эпиграфа к пятой главе взяты слова двух лирических песен «Ах ты, девка, девка красная!» и «Буде лучше меня найдешь, позабудешь»?

– Как соотносится цитата из свадебной песни «Как у нашей у яблоньки» с сюжетом двенадцатой главы «Сирота»?

Фрагмент урока № 7 «Подготовка к домашнему сочинению по роману А.С. Пушкина „Капитанская дочка“».

В качестве одной из тем сочинения учащимся может быть предложена «Роль эпиграфов в романе А.С. Пушкина „Капитанская дочка“». Тема «Нравственный кодекс Петра Гринева» предполагает рассмотрение значения пословицы «Береги честь смолоду», предпосланной всему произведению. Также анализ источников эпиграфов к отдельным главам романа может стать темой для исследовательской или проектной работы восьмиклассников.

– Как выполнил Петр Гринев завет отца?

- Емельян Пугачев - исторический герой романа «Капитанская дочка».

- Маша Миронова как воплощение национального характера.

В целом толкование эпиграфов является важной и неотъемлемой частью аналитического разбора романа «Капитанская дочка».

3.2. Анализ эпиграфов при изучении поэтических произведений А.С. Пушкина в школе

Программным произведением А.С. Пушкина, позволяющим проследить «связь времен», является стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Подробный языковой, стилистический и культурологический анализ стихотворения А.С. Пушкина, требующий обращения к литературной традиции, позволяет сформировать у девятиклассников общие представления об интертексте и метатексте, без введения и комментария соответствующих понятий.

Включение произведения в контекст мировой литературы обуславливается знаменитым эпиграфом на латинском языке «Eхegi monumentum».

Фрагмент урока «Тема поэта и поэзии в творчестве А.С. Пушкина».

Специально подготовленный учащийся готовит информационную справку о личности и поэзии К. Горация Флакка с анализом оды «К Мельпомене».

Аналитическая беседа по произведению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» может быть основана на сопоставительном анализе трех од – Горация, Г.Р. Державина и А.С. Пушкина.

- Кто продолжает традицию «литературного памятника» и переводит оду Горация на русский язык?

- Почему оду Державина нельзя считать переводом и можно назвать лишь «вольным подражанием»?

- Какие образы объединяют все три произведения?

- В чем видит свою посмертную славу Державин? Чем его концепция поэтического творчества отличается от пушкинской?

- Какова роль эпиграфа из Горация в пушкинском тексте?

- Назовите словесный ряд эпиграфа пушкинского стихотворения и прокомментируйте слова этого ряда с точки зрения поэтической идеи произведения.

- Как эпиграф задает не только тему, но и жанр стихотворения А.С. Пушкина? Как можно охарактеризовать Музу поэта?

Сильным учащимся можно предложить мини-исследование «Традиции пушкинского “Памятника” в поэзии XX века».

В числе наиболее сложных с точки зрения анализа поэтических произведений А.С. Пушкина в школе – роман «Евгений Онегин». Девятиклассники, осваивающие основные литературоведческие понятия, должны прийти к выводу, что «Евгений Онегин», несмотря на жанровую принадлежность, относится к лироэпосу. Это позволяет понять, в том числе, и толкование эпиграфов.

Г.Э. Фефилова отмечает, что эпиграфы к главам романа даются на пяти языках: французском, латинском, итальянском, английском и, конечно, на русском [44, с. 135].

В предварительной беседе можно предложить учащимся серию вопросов:

- Каких европейских писателей цитирует Пушкин в романе «Евгений Онегин»?

- Как связано значение эпиграфа с содержанием каждой главы произведения?

- С какими литературными эпохами благодаря эпиграфам связан пушкинский роман?

Фрагмент урока № 2 «Система художественных образов романа „Евгений Онегин“». Аналитико-поисковая беседа.

Эпиграф из частного письма настраивает нас на особый лад в восприятии главного героя.

- Какие черты пушкинского поколения представлены в нем?

- Каковы ваши прогнозы относительно характера Онегина?

После прочтения первой главы можно уточнить, помог ли эпиграф создать определенное эмоциональное и интеллектуальное переживание.

- Как меняется ваше отношение к герою во второй главе романа? Случайна ли оппозиция Руси и деревни?

- Что мы узнаем о помещиках Лариных и их соседях?

- Насколько характер Ленского соотносится с пространством, куда его помещает автор?

- Почему в главе третьей автор прибегает к цитате из французского романа? Каков ваш прогноз относительно сюжета?

- С чем связан выбор Татьяны?

Фрагмент урока № 3 «Анализ 4 – 8 глав романа „Евгений Онегин“».

- Как назидательный тон эпиграфа из Неккера соотносится с поступком героини?

- Что он позволяет сказать о будущем объяснении героев? Захочет ли Онегин воспользоваться чувствами Татьяны и добавить в свою копилку еще одну победу?

Фрагмент аналитической беседы по пятой главе.

- Почему в качестве эпиграфа к этой главе автор использует цитату из баллады Жуковского «Светлана»? Каким образом он помогает встроить произведение Пушкина в широкий литературный контекст?

- Что объединяет Татьяну Пушкина и Светлану Жуковского?

Проанализировав функции зимнего пейзажа и святочных гаданий, учащиеся рассматривают роль «чудного сна» главной героини в контексте заявленного эпиграфа.

- Каково значение сна Татьяны Лариной? Можно ли утверждать, что он пророческий?

- Как разворачиваются события на именинах Татьяны? Каковы мотивы поведения Онегина? *(Завязка последующих событий, ключевой эпизод, раскрывающий сущность характера Онегина).*

- Почему цитата из стихотворения Петрарки избрана автором для эпиграфа к главе шестой? (*Тема смертельного поединка двух друзей*).

Для толкования эпиграфов рекомендуется использовать дидактическую игру «Умники и умницы», а также сопоставительную работу в парах.

Вопрос для игры:

- Используя в качестве эпиграфа к седьмой главе цитату из «Горя от ума», Пушкин открыто обозначил присутствие в романе Грибоедова. Найдите в произведении «Евгений Онегин» скрытые отсылки к грибоедовской комедии и объясните роль реминисценций из «Горя от ума» в произведении Пушкина.

Чацкий и Онегин. Сходство в происхождении, образовании и воспитании.

- Как меняется тон повествования в связи с изменением места действия? (*Противоречивый образ Москвы – патристический, торжественный, интимно-личностный, сатирический, противопоставленный Петербургу*).

Мини-семинар повторительно-обобщающего типа.

Значения эпиграфа к восьмой главе романа. Версии:

1. Автор прощается с героями романа.
2. Татьяна прощается с Онегиным.
3. Автор прощается с читателем.
4. Онегин посылает прощальное письмо Татьяне.

- Какой вариант кажется вам более вероятным? (*Развязка любовной линии, объяснение героев и окончательный разрыв*).

Предварительный проблемный вопрос: Каковы читательские ожидания после прочтения эпиграфа к главе восьмой?

Сочинение на тему «Роль эпиграфов в романе “Евгений Онегин”».

Г.Э. Фефилова в ходе изучения романа в девятом классе предлагает использовать интерактивный прием «Мозговой штурм» для восстановления содержания понятия «Пушкинский дом».

В рамках «Практикума начинающего литературоведа» может быть предложена исследовательская работа по роли эпиграфов в романе «Евгений Онегин».

Таким образом, система эпиграфов к роману позволяет выстроить «горизонт читательских ожиданий» по отношению к характерам, раскрыть авторскую позицию, задать сюжетную перспективу.

Выводы по третьей главе.

При изучении пушкинской прозы в восьмом и девятом классах особую роль играет толкование эпиграфов как ко всему произведению, так и к его отдельным главам. Оно становится непременным условием понимания художественного текста, смыслового его анализа и интерпретации. Так, при разборе романа «Капитанская дочка» выявление значения эпиграфов позволяет понять характеры главных героев, суть их взаимоотношений. Сопоставляя, обобщая, делая выводы, восьмиклассники учатся определять основную мысль произведения и видеть ее отражение в названиях глав и эпиграфах к ним.

В девятом классе при изучении романа в стихах «Евгений Онегин» учащиеся благодаря анализу эпиграфов получают представление об идейно-художественном своеобразии романа,

рассматривают особенности характеров героев, эволюцию их взаимоотношений.

Девятиклассники определяют роль эпиграфов при выявлении авторской позиции, раскрытии жанровых и стилистических особенностей пушкинского произведения, а также рассматривают прогностическую функцию эпиграфа. Ученики знакомятся с понятием литературного контекста и учатся встраивать в него пушкинскую прозу. Интертекстуальный комментарий способствует также совершенствованию навыков работы с поэтическим текстом, воспитанию культуры читательского восприятия.

В ходе анализа содержания пушкинских произведений необходим комментарий эпиграфов и выяснение их функций в тексте не только в начале изучения стихотворений, поэм, повестей и романов, но и в ходе обобщающей итоговой беседы по ним. Особенно значима формулировка тем сочинений и проблем исследовательских работ, связанных с эпиграфами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпиграфом является точная или измененная цитата из другого текста, предпосланная всему произведению. Его источниками могут быть афоризмы, устные народные, сакральные и литературные произведения, документы, мемуары, а также творчество самого автора. Основной функцией эпиграфа является прогнозирующая, поскольку еще до знакомства читателя с текстом он сообщает о теме и идее

произведения, ожидаемых сюжетных ходах, характеризует действующих лиц, выражает основной пафос.

Пушкинские эпиграфы иногда самодостаточны, так как представляют собой пословицу, поговорку или афоризм, однако чаще они выступают в роли знака – заместителя цитируемого текста. Они связывают произведение с источником цитаты. При этом некоторые главы романов «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» снабжены двойным и тройным эпиграфом. Подключение произведений к определенной литературной традиции – национальной, европейской, мировой, сакральной осуществляет важные культурные цели. Эпиграф может решать и полемические задачи, что происходит, например, в повести «Станционный смотритель».

Именно во времена А.С. Пушкина возникла традиция помещать эпиграф не только перед всем произведением, но и перед каждой его частью. Удачный выбор эпиграфа свидетельствовал о начитанности и образованности автора. Были у А.С. Пушкина и эпиграфы, сочиненные им самим, что позволяло мистифицировать читателя и достигать определенных авторских целей. Поскольку эпиграфы несут большой объем информации, приоткрывают подтекст, внутренний смысл произведения, они являются важным источником для изучения писательских философских и эстетических взглядов.

Прибегая к эпиграфам, Пушкин размыкал границы своего текста и расширял его смысл до мирового масштаба. Писатель часто использовал авторскую правку, однако такоевольное обращение с источниками позволяло выразить более точно основной смысл части или произведения в целом. Таким

образом реализовывалась диалогическая функция эпиграфа: введение иной, неавторской точки зрения, а также создание образа автора.

В поэтических текстах писателя эпиграф иногда играл формоопределяющую роль, но в большинстве случаев выполнял информативную функцию. Семантика его основывалась чаще на отношениях согласования, реже – рассогласования, полемики, когда смысл эпиграфа противоречит семантике текста.

Так, например, два эпиграфа ко второй главе романа «Евгений Онегин» содержат внутренний контраст, вступают по отношению друг к другу в полемические отношения. Двойной эпиграф несет содержательную информацию, то есть задает тему, которую подхватывает и развивает последующий текст. А вот эпиграф к «Капитанской дочке» выполняет формоопределяющую функцию, так как содержит ключевые слова, влияющие на формирование стилистической и эмоциональной тональности последующего текста. В произведении Пушкина представлены слова того же семантического и ассоциативного поля, что и в эпиграфе.

У Пушкина мы также можем выделить характерологические, или характерообразующие, эпиграфы, которые выявляют личность персонажа. Это эстетическая функция эпиграфов. Их смысл усложняется за счет соотношения с источником и последующим текстом. Они разворачивают горизонт читательских ожиданий.

Учащиеся, оценивающие значение и значимость эпиграфа, проходят три этапа его осмысления: сначала это восприятие, предварительно ориентирующее читателя, затем соотнесение

эпиграфа с текстом и, наконец, выход на новый уровень понимания, закрепляющий выявленные смыслы и расширяющий границы интерпретации (семантического поля).

Школьники должны понимать, что после разбора названия произведения необходим разговор о значении эпиграфа, ведь он реализует смысловой потенциал текста, которому предшествует. Так, без поговорки «Береги честь смолоду» невозможно ни понять тему и идею «Капитанской дочки», ни объяснить поступки и характеры отдельных персонажей: Петра Гринева, Емельяна Пугачева, Маши Мироновой, Швабрина и многих других, поскольку большинство эпизодов романа связаны с понятиями чести и бесчестия, подлости, лжи, предательства. Каждая глава, снабженная иногда двойным, тройным эпиграфом, тоже не может быть интерпретирована с содержательной, концептуальной точки зрения без пояснения эпиграфов. Например, фрагмент из пьесы Я.Б. Княжнина, служащий эпиграфом к первой главе, отсылает нас к решению отца Гринева, который хочет, чтобы сын стал не столичным гвардейцем, а настоящим воином.

В романе «Капитанская дочка» использована целая система эпиграфов, отражающих авторскую точку зрения. Каждый из таких структурных элементов становится свернутым содержанием глав, подчеркивающим их основные мысли. Большая их часть – фольклорные тексты: поговорки, пословицы, отрывки из народных песен. Недаром эпиграфы отражают особый взгляд на события. Эпиграфы становятся ключом к пониманию текста и авторской позиции. Цитаты из произведений XVIII века позволяют отразить дворянскую и крестьянскую систему ценностей и встроить текст романа в

мировую литературу. Антитеза «дворяне – народ» становится определяющей в повествовательном плане пушкинского произведения.

Разнообразны функции эпиграфов в романе «Евгений Онегин». Среди них наиболее часто встречается прогнозирующая – так, главе пятой предпослан эпиграф из баллады В.А. Жуковского «Светлана», который указывает на пророческий характер снов героинь. Предсказывая дуэль Онегина и Ленского, эпизод сна находит зеркальное преломление в эпиграфе к главе шестой, который в свою очередь прогнозирует гибель юного поэта. Информирование читателя эпиграфы к главам второй, четвертой и седьмой позволяют раскрыть содержательный план произведения. Предваряющая функция эпиграфа третьей главы дает представление о характере дальнейших событий. В восьмой главе, вступая в диалог с читателем, автор объясняет отношение к героям, знакомит нас со своими творческими принципами.

Будучи формой присутствия автора в тексте, эпиграфы выражают авторское отношение к событиям и героям, задают тон повествованию. Композиционная роль эпиграфов – предваряющая, дающая намек на дальнейшее развитие действия. Создание широкого культурного фона, формирование метатекста – важнейшая функция пушкинских эпиграфов. Они дают нам также представление о круге чтения автора и его мировоззрении.

Итак, при изучении пушкинского творчества в школе необходимо учитывать, что эпиграфы на равных правах с другими элементами текста участвуют в формировании его

идейного и художественного смысла, подготавливают читателя к правильному восприятию и пониманию пушкинских произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев, М.П. Пушкин и мировая литература [Текст] / М.П. Алексеев. – Ленинград: Наука, 1987. – 616 с.
2. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность [Текст] / И.В. Арнольд. – М.: URSS, 2010. – 443 с.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
4. Бочаров, С.Г. Поэтика Пушкина [Текст] / С.Г. Бочаров. – М.: Наука, 1974. – 207 с.
5. Бродский, Н.Л. «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина. Пособие для учителей [Текст] / Н.Л. Бродский. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1950. – 408 с.
6. Валгина, Н.С. Теория текста [Текст] / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
7. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика [Текст] / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 406 с.
8. Виноградов, В.В. Стиль Пушкина [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1941. – 620 с.
9. Гиллельсон, М.И. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Пособие для учителя [Текст] / М.И. Гиллельсон, И.Б. Мушина. – Л.: Просвещение, 1977. – 192 с.
10. Городецкий, Б.П. Лирика Пушкина. [Текст] / Б.П. Городецкий. – М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 468 с.

11. Горшков, А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика [Текст] / А.И. Горшков. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 367 с.
12. Гуковский, Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля [Текст] / Г.А. Гуковский. – М.: Гослитиздат, 1957. – 414 с.
13. Дегожская, А.С. «Капитанская дочка» в школьном изучении [Текст] / А.С. Дегожская. – М.: Просвещение, 1971. – 127 с.
14. Домашнев, А.И. Интерпретация художественного текста [Текст] / А.И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. – М.: Просвещение, 1989. – 204 с.
15. Коровина, В.Я. Пушкин в школе [Текст] / В.Я. Коровина. – М.: РОСТ, 1998. – 365 с.
16. Коцциенко, И.В. Полифункциональность эпиграфа в творчестве А.С. Пушкина: Автореферат дис. ... канд. филол. наук [Текст] / И.В. Коцциенко. – СПб, 2004. – 23 с.
17. Коцциенко, И.В. «Мы в фортеции живем...»: военный человек у А.С. Пушкина (на примере эпиграфов романа «Капитанская дочка») [Текст] / И.В. Коцциенко // Вестник Псковского государственного университета. – 2011. – № 13. – С. 61 – 67.
18. Коцциенко, И.В. К толкованию эпиграфов повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» [Текст] / И.В. Коцциенко // Вестник Псковского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 85 – 98.
19. Красухин, Г.Г. Путеводитель по роману А.С. Пушкина «Капитанская дочка» [Текст]. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – 128 с.

20. Кржижановский, С.Д. Искусство эпитафия [Текст] // С.Д. Кржижановский. Собрание сочинений в пяти томах. Том IV. – СПб.: Симпозиум, 2006. – С. 387 – 415.
21. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман [Текст] / Ю. Кристева // Французская семиотика. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427 – 457.
22. Кузьмина, Н.А. Эпитафия в коммуникативном пространстве художественного текста [Текст] / Н.А. Кузьмина // Вестник Омского университета. – 1997. – Выпуск 2. – С. 60 – 63.
23. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка [Текст] / Н.А. Кузьмина. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 272 с.
24. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста [Текст] / В.А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
25. Литература. 9 класс. В 2 ч. Ч. 2 [Текст] / под ред. В.Я. Коровиной. – М.: Просвещение, 2013. – 383 с.
26. Литературный энциклопедический словарь [Текст] / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 750 с.
27. Лотман, Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. – 512 с.
28. Лотман, Ю.М. Идеальная структура «Капитанской дочери» [Текст] // Ю.М. Лотман. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – С. 127 – 147.

29. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 704 с.
30. Москвин, В.П. Интертекстуальность. Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили [Текст] / В.П. Москвин. – М.: Либроком, 2013. – 168 с.
31. Набоков, В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». [Текст] / В.В. Набоков. – М.: Интелвак, 1999. – 928 с.
32. Непомнящий, В.С. Из наблюдений над текстом «Евгения Онегина» [Текст] / В.С. Непомнящий // Московский пушкинист: Ежегод. сб. Вып. II. – М.: Наследие, 1996. – С. 135 – 165.
33. Николюкин, А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 с.
34. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2015. – 896 с.
35. Петрова, Т.С. Анализ художественного текста и творческие работы в школе [Текст] / Т.С. Петрова. – М.: Московский Лицей, 2002. – 152 с.
36. Пушкин, А.С. Сочинения в трех томах. Том I [Текст] / А.С. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1955. – 511 с.
37. Пушкин, А.С. Сочинения в трех томах. Том II [Текст] / А.С. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1955. – 503 с.

38. Пушкин, А.С. Сочинения в трех томах. Том III [Текст] / А.С. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1955. – 621 с.
39. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Художественная проза [Текст] / А.С. Пушкин. – Л.: Наука, 1978. – 575 с.
40. Русский язык. 9 класс [Текст] / Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И. и др. – М.: Дрофа, 2016. – 270 с.
41. Сайтанов, В.А. Неточные переводы [Текст] – В.А. Сайтанов // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 24. – СПб.: Наука, 1991. – С. 177 – 180.
42. Степанов, Н.Л. Лирика Пушкина [Текст] / Н.Л. Степанов. – М.: Художественная литература, 1973. – 368 с.
43. Томашевский, Б.В. Пушкин и Франция [Текст] / Б.В. Томашевский. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 499 с.
44. Фефилова, Г.Э. Литература. 9 класс: I полугодие: планы-конспекты уроков [Текст] / Г. Э. Фефилова. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. – 216 с.
45. Халабаджах, И.М. Литература. 8 класс: I полугодие: планы-конспекты уроков [Текст] / И.М. Халабаджах. – Ростов н/Д: Феникс, 2013. – 146 с.
46. Храмченков, А.Г. Эпиграф как особый вид цитации [Текст] / А.Г. Храмченков // Взаимодействие структурного и функционально-стилистического аспектов языка. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – С. 203 – 214.
47. Цуканова, Е.М. Семантическая связь эпиграфа с текстом: Дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.М. Цуканова. – Орел, 2003. – 160 с.

48. Шкловский, В.Б. Заметки о прозе русских классиков [Текст] / В.Б. Шкловский. – М.: Сов. писатель, 1953. – 324 с.
49. Шкловский, В.Б. Повести о прозе. Размышления и разборы. В 2 т. Том 2 [Текст] / В.Б. Шкловский. – М.: Художественная литература, 1966. – 464 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица-кластер эпиграфов к роману А.С. Пушкина «Капитанская дочка»

Глава	Эпиграф	Источник	Значение
Глава I «Сержант гвардии»	<p>– Был бы гвардии он завтра ж капитан. – Того не надобно; пусть в армии послужит. – Изрядно сказано! Пускай его потужит... Да кто его отец? <i>Княжнин.</i></p>	<p>Эпиграф взят из комедии «Хвастун» Якова Борисовича Княжнина (1740 – 1791) – поэта и драматурга, автора трагедий, сатирических комедий и комических опер. «Хвастун» исполнялся на русской сцене до середины 1820 -х годов.</p>	<p>Эпиграф характеризует отношение Андрея Петровича Гринева к службе сына. Петр Гринев мечтал «об удовольствиях петербургской жизни», но отец его распорядился иначе: «... пускай послужит он в армии».</p>
Глава II «Вожаты й»	<p>Сторона ль моя, сторонушка, Сторона незнакомая! Что не сам ли я на тебя зашел, Что не добрый ли да меня конь завез: Завезла меня, доброго молодца,</p>	<p>Народная песня из сборника, составленного М.Д. Чулковым.</p>	<p>В этой главе впервые появляется Пугачев. Эпиграф из старинной казачьей песни является удачным экспозиционны</p>

	<p>Прытость, бодрость молодецкая И хмелинушка кабацкая. <i>Старинная песня.</i></p>		<p>м ходом, предваряющим появление одного из главных героев повествования.</p>
<p>Глава III «Крепост ь»</p>	<p>Мы в фортеции живем, Хлеб едим и воду пьем; А как лютые враги Придут к нам на пироги, Зададим гостям пирушку: Зарядим картечью пушку. <i>Солдатская песня.</i></p> <p>Старинные люди, мой батюшка. <i>«Недоросль».</i></p>	<p>Главе III предпосланы два эпиграфа. Первый эпиграф – солдатская песня, написанная, вероятно, самим Пушкиным, так как в других печатных источниках она не встречается. Второй эпиграф взят из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль».</p>	<p>Эпиграфы раскрывают нехитрые характеры и простой быт семьи капитана Миронова, вместе с тем они подчеркивают готовность этих русских людей стоять до конца за царя и отечество.</p>

Продолжение приложения 1

<p>Глава IV «Поедино к»</p>	<p>– Ин изволь, и стань же в позитуру. Посмотришь, проколю как я твою фигуру! <i>Княжнин.</i></p>	<p>Комедия Я.Б. Княжнина «Чудаки» (1790). Автор в комическом ключе изображает пародийную дуэль на кортиках двух слуг – Высоноса и Пролаза.</p>	<p>Проекция на дуэль «злодея» Швабрина и Гринева, который вступился за честь любимой и был предательски поражен рукой врага. Ранение дало новый импульс взаимоотношен иям Марии Мироновой и Петра Гринева.</p>
<p>Глава V «Любовь» .</p>	<p>Ах ты, девка, девка красная! Не ходи, девка, молода замуж; Ты спроси, девка, отца, матери, Отца, матери, роду- племени;</p>	<p>Оба эпиграфа взяты из песенника. Первый эпиграф является окончанием песни «Ах ты, Волга, Волга-матушка...»</p>	<p>Слова народной песни сопрягаются с ответом Маши Мироновой, которая отказалась выйти замуж за</p>

	<p>Накопи, девка, ума-разума, Ума-разума, приданова. <i>Песня народная.</i> Буде лучше меня найдешь, позабудешь. Если хуже меня найдешь, вспомянешь. <i>То же.</i></p>	<p>из сборника Н.И. Новикова «Собрание народных русских песен». Второй эпиграф взят Пушкиным из песни «Вещевало мое сердце, вещевало...», напечатанной в том же сборнике.</p>	<p>Петра без родительского благословения.</p>
<p>Глава VI «Пугачевщина»</p>	<p>Вы, молодые ребята, послушайте, Что мы, старые старики, будем сказывать. <i>Песня.</i></p>	<p>Народная историческая песня о взятии Казани Иваном Грозным.</p>	<p>Эпиграф настраивает читателя на торжественный, трагический лад, перекликается с позицией рассказчика, который ведет свое повествование в назидание потомкам.</p>

Продолжение приложения 1

<p>Глава VII «Приступ»</p>	<p>Голова моя, головушка, Голова послуживая! Послужила моя головушка Ровно тридцать лет и три года. Ах, не выслужила головушка Ни корысти себе, ни радости. Как ни слова себе доброго И ни рангу себе</p>	<p>К главе VII «Приступ» Пушкин взял эпиграф из песни о казни стрелецкого атамана.</p>	<p>Слова народной песни ассоциируются с судьбой казненного пугачевцами капитана Миронова. Вместе с тем это и выражение авторского взгляда на жестокости, сопровождающ</p>
----------------------------	---	--	---

	<p>высокого; Только выслужила головушка Два высокие столбика, Перекладинку кленовую, Еще петельку шелковую. <i>Народная песня.</i></p>		ие любой бунт.
Глава VIII «Незванный гость»	<p>Незванный гость хуже татарина. <i>Пословица.</i></p>	Народная пословица.	Отождествлен ие пугачевцев с врагами русичей – татарами позволяет выразить отношение дворян к событиям 1773 – 75 гг.
IX глава «Разлука »	<p>Сладко было спознаваться Мне, прекрасная, с тобой; Грустно, грустно расставаться, Грустно, будто бы с душой. <i>Херасков.</i></p>	Стихотворение М.М. Хераскова. Херасков Михаил Матвеевич (1733 – 1807) – поэт, драматург и романист.	Эпиграф является иллюстрацией взаимоотношен ий главных героев романа, подчеркивая тревогу за их дальнейшую судьбу.
Глава X «Осада города»	<p>Заняв луга и горы, С вершины, как орел, бросал на град он взоры, За станом повелел соорудить раскат. И, в нем перуны скрыв, в нощи привесть под град. <i>Херасков.</i></p>	Эпическая поэма М.М. Хераскова «Россияда», повествующая о взятии Казани войсками Ивана Грозного.	Торжественн ый, эпический лад поэмы Хераскова настраивает читателя на восприятие повествования о ходе крестьянской войны.

Продолжение приложения 1

Глава XI «Мятежн	В ту пору лев был сыт, хоть с роду он	Среди произведений	Образ льва соответствует
---------------------	--	-----------------------	-----------------------------

ая слобода»	свиреп. «Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?» – Спросил он ласково. <i>А. Сумароков.</i>	поэта, драматурга и баснописца Александра Петровича Сумарокова (1717 – 1777) таких строк не обнаружено. Эпиграф сочинен самим Пушкиным.	характеру Пугачева, который может и казнить, и миловать.
Глава XII «Сирота»	Как у нашей у яблонки Ни верхушки нет, ни отросточек; Как у нашей у княгинюшки Ни отца нету, ни матери. Снарядить-то ее некому, Благословить-то ее некому. <i>Свадебная песня.</i>	Переделка свадебной песни, записанной Пушкиным Песня, которая похожа на приведенную в эпиграфе, поется тогда, когда невеста – сирота и ее выдают замуж посаженный отец и посаженная мать.	Сюжет песни отражает судьбу главной героини романа, которая лишилась родителей и теперь должна сама бороться за свое счастье.
Глава XIII «Арест»	– Не гневайтесь, сударь: по долгу моему Я должен сей же час отправить вас в тюрьму. – Извольте, я готов; но я в такой надежде, Что дело объяснить дозволите мне прежде. <i>Княжнин.</i>	Такое четверостишие в сочинениях Я.Б. Княжнина не обнаружено. Вероятно, в эпиграфе Пушкин имитировал стиль Княжнина.	Эпиграф формирует сюжетную перспективу, так как предвосхищает дальнейшие события: арест Гринева и его обвинение в пособничестве восставшим.
Глава XIV «Суд»	Мирская молва – морская волна. <i>Пословица.</i>	В несколько ином виде («Мирская молва, что морская волна») пословица напечатана в «Полном собрании русских пословиц и поговорок, расположенном по азбучному порядку»; эта книга имелась в личной библиотеке	Слова пословицы выражают авторскую мысль о том, как ошибочно бывает общественное мнение и насколько важно доверять себе в оценке людей (имеет

		Пушкина.	отношение и к Гриневу, и к Пугачеву).
--	--	----------	---------------------------------------

Приложение 2

Таблица-кластер эпиграфов к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

Глава	Эпиграф	Значение
Начало романа	«Проникнутый тщеславием, он обладал, сверх того, еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, – следствие чувства превосходства, быть может, мнимого». <i>Из частного письма.</i>	Эпиграф к первой главе романа соотносит характеры героев письма и «Евгения Онегина». Он обладает прогностической функцией и позволяет узнать авторскую оценку личностных качеств Онегина.
Глава 1	И жить торопится, и чувствовать спешит. <i>Кн. Вяземский.</i>	Строка из стихотворения П. А. Вяземского «Первый снег» представляет портрет типичного молодого дворянина XIX века, живущего светской жизнью. Эпиграф позволяет нам расширить знания о герое.
Глава 2	<i>O rus!.. Hor. O деревня!.. Горацій (лат.)</i>	Два эпиграфа находятся в отношениях оппозиции, что создает каламбурный эффект. С одной стороны, действие романа перемещается в деревню, где располагаются имения Онегина, Ленского и Лариных. С другой стороны, с помощью эпиграфа автор выражает свое мнение, что Русь преимущественно – деревня.
Глава 3	Elle etait fille, elle etait amoureuse.	Эпиграф предвосхищает события, которые развернутся в третьей главе:

	<p><i>Malfilâtre</i> Она была девушка, она была влюблена. <i>Мальфилатр</i> (франц.)</p>	<p>встречу героев и внезапно вспыхнувшие чувства Татьяны к Онегину. Строки из Мальфилатра также дают частичную характеристику главной героини – романтической натуры, которая зачитывалась французскими романами.</p>
--	--	---

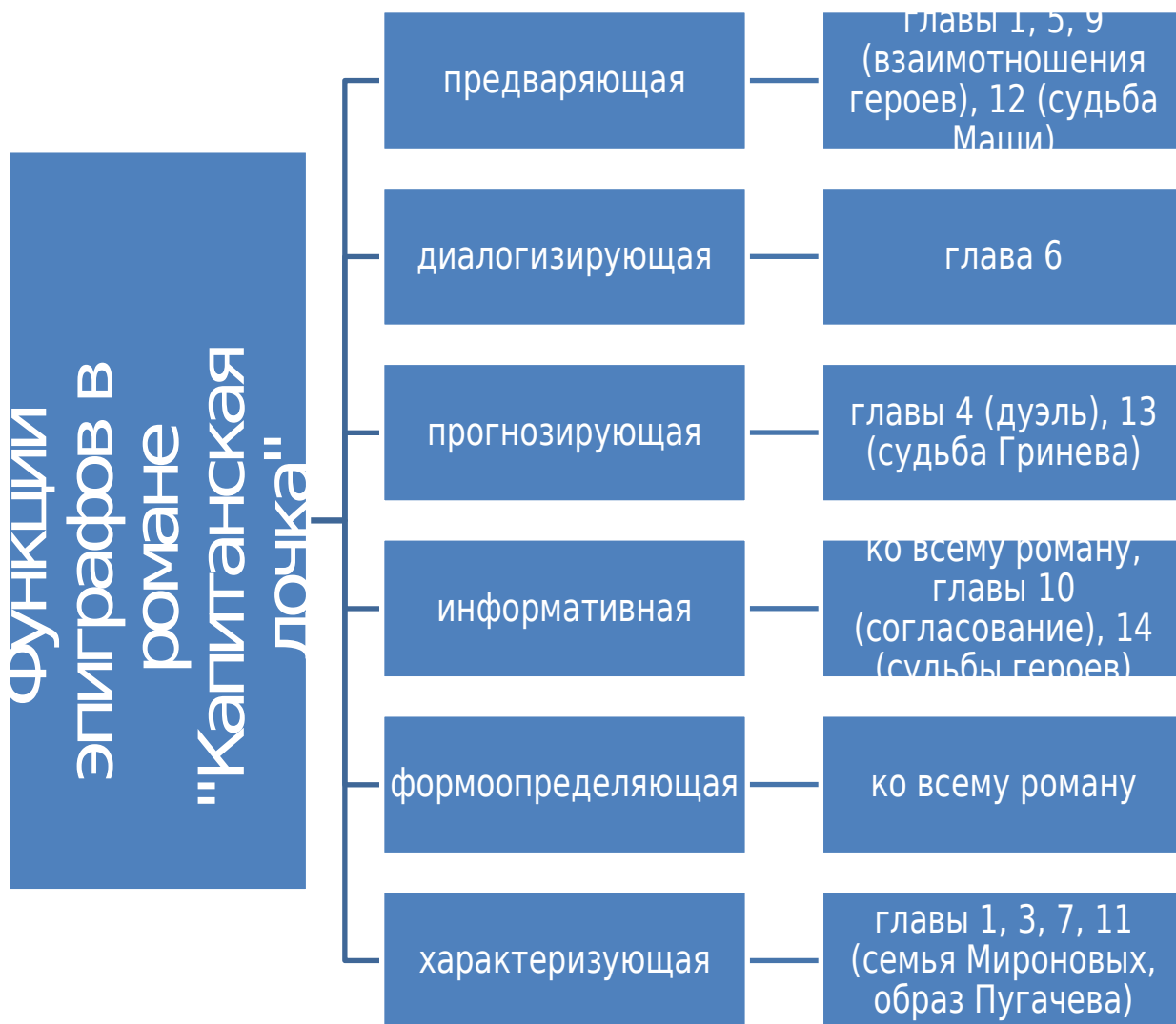
Продолжение приложения 2

Глава 4	<p>La morale est dans la nature des choses. <i>Necker.</i> Нравственность в природе вещей. <i>Неккер (франц.)</i></p>	<p>Эпиграф приобретает иронический смысл: нравственность (мораль) сопрягается с нравоучением, которое читает в саду сельской барышне герой. Онегин поступает с Татьяной благородно: он учит ее «властвовать собой».</p> <p>Однако известно, что сам Онегин научился этому, упражняясь в «науке страсти нежной». Очевидно, нравственность Онегина проистекает из пресыщения, по причине преждевременной душевной старости.</p>
Глава 5	<p>О, не знай сих страшных снов Ты, моя Светлана! <i>Жуковский.</i></p>	<p>Эпиграф из баллады В. А. Жуковского предвосхищает пророческий сон Татьяны и побуждает читателя сравнить этих героинь.</p>
Глава 6	<p>La sotto i giorni nubilosi e brevi, / Nasce una gente a cui l'morir non dole. <i>Petr.</i> Там, где дни</p>	<p>Эпиграф к шестой главе подготавливает читателя к смерти Ленского. А.С. Пушкин не полностью взял цитату у Петрарки, а выпустил стих, говорящий, что причина отсутствия страха смерти – во</p>

	<p>облачны и кратки, родится племя, которому умирать не больно. <i>Петрарка (итал.)</i></p>	<p>врождённой воинственности племени. Онегин так же рисковал на этой дуэли, как и Ленский, но опустошенному Онегину, может быть, тоже было бы «не больно умирать».</p>
Глава 7	<p>Москва, России дочь любима, Где равную тебе сыскать?</p> <p><i>Дмитриев.</i> Как не любить родной Москвы? <i>Баратынский.</i> Гоненье на Москву! что значит видеть свет! Где ж лучше?</p> <p>Где нас нет. <i>Грибоедов.</i></p>	<p>Тройной эпиграф создает ощущение неоднозначного отношения автора к Москве. С одной стороны, это столица России, родной и любимый для многих город, с другой – олицетворение консервативного барства. Здесь всё по старинке: вершат дела, делают карьеру, выдают замуж.</p>
Глава 8	<p>Fare thee well, and if for ever Still for ever fare thee well. <i>Byron.</i></p> <p>Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай. <i>Байрон (англ.)</i></p>	<p>Источник эпиграфа – поэма Дж. Байрона. Тема эпиграфа – прощанье. Главные герои в этой главе расстанутся навсегда. Автор романа прощается с читателем.</p>

Приложение 3

Кластеры к эпиграфам романов «Капитанская дочка» и «Евгений Онегин»

Продолжение приложения 3

ФУНКЦИИ
ЭПИГРАФОВ В
РОМАНЕ
"ЕВГЕНИЙ
ОНЕГИН"

